

РУССКИЙ МИР
СЛАВА И БОЛЬ ДОНБАССА

Тамбов
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Р89

Р89   Русский мир. Слава и боль Донбасса: сборник
поэзии и прозы / сост. Мещеряков Ю. А. —
Тамбов: ООО «Издательский дом «Тамбов», 2023. — 192 с.

В издании книги
«Русский мир. Слава и боль Донбасса»
приняли участие:

Милованова О. В.
Шмырёв Н. Л.
Кочуков С. К.
Макаров В. М.
Мещеряков Ю. А.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907517-22-6

© Тамбовское отделение
Союза писателей России, 2023
© ООО «Издательский дом
«Тамбов», 2023

Размышления о главном

Желание издать книгу о войне за освобождение Донбаса не было случайным или спонтанным, вопрос был в другом: как патриотическую книгу, призывающую к самоотверженной борьбе, сделать по-настоящему художественной, наполненной глубинными смыслами, а не только эмоциями, пусть и праведными. Это же не агитка. Глубинные смыслы не исчезают никогда, даже если пройдут столетия; они могут быть непонятыми, дремать под спудом времён, но однажды, пробуждаясь, они приобретают точные углы зрения, новые доказательства своей правоты. Читаем Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского – их мыслям, их философии намного более столетия, но как они правы в отношении малороссов и всей Малороссии.

Поддерживая украинский народ, мы одновременно выступаем против нынешнего киевского режима власти, который имеет явственные маркеры бандеровского, неонацистского, а простые люди говорят – людоедского. Но дело не в обозначении, не в ярлыках. Мы вмешались в гражданскую войну на Украине, потому что стало невозможным терпеть, как беззастенчиво, как жестоко истребляют наш народ, разделённый с большой Россией искусственной границей, которую в юридических документах ранее назвали административной, но вдруг она стала государственной. У русского народа не спросили ни в 1920 году, ни в 1991-м, хочет ли он такой судьбы, хочет ли быть оторванным от Родины-матери.

Свою правду о нас сегодняшних, о русских патриотах, нам доказывать и подтверждать придётся ещё долго, в том числе через литературу, через публицистику, но другим поколениям и спустя годы должно быть доподлинно известно, почему военная спецоперация была неотвратима. Медленно, и всё же приходит понимание, что под угрозой разрушения и уничтожения был не только Донбасс, малая часть большой России, а сама Россия и государство Российская Федерация. Кто-то на Западе очень хочет разорвать наши внутренние связи и скрепы, чтобы всё рухнуло само под влиянием «пятой колонны», системно работают над этим. Много в разные времена мы претерпели от предателей, когда они вторгались в наш внутренний мир, соблазняя мнимыми свободами и благополучием для избранных, когда они искажали нашу историю, мазали грязью, представляли нас самих слабыми и бездуховными, не способными на гуманизм и великие свершения. Нельзя допустить, чтобы племя Иуды процветало и глумилось над нами, над нашим мировоззрением, нашими нравственными устоями, нашей исторической памятью.

Об этом и о многом другом наша книга, которая сейчас перед вами. Она вобрала в себя прекрасные стихи, рассказы, новеллы и очерки большого количества писателей из десятков городов России. Русский мир был, есть и будет. Его немеркнущую славу составляет плеяда великих людей от Александра Невского до Георгия Жукова, от Сергея Радонежского до Дмитрия Лихачёва. Но все наши достижения приходят через испытания и боль. Так и сложилось название книги. «Русский мир. Слава и боль Донбасса».

Юрий МЕЩЕРЯКОВ,
член Союза писателей России

ЮРИЙ БЕРИДЗЕ

г. Москва

БОЛЬ

Сыны подрастают... И скоро войдут в этот возраст шальной,
в котором сгорают, как порох, в кострищах, раздутых войной...
В котором, еще не матёры, еще не учёны в огне,
уходят в бои и дозоры –
и тают дымком в вышине...
Не все... Но и те, кто истаял, ушёл и исчез навсегда,
потеря такая, такая, что это уже – не беда,
а это – такая поруха, такое бездолье и тьма,
что стонет земля наша глухо –
и с нами же сходит с ума...

ПРИМИ, ГОСПОДЬ

Из пламени да копоти –
в мир светлой тишины...
Теперь, выходит, Господи,
Ты вместо старшины?

Тогда прими по описи:
«калаш», бронежилет,
рожок в кровавой окиси –
пустой, патронов нет.

А гильзы-колокольчики
усеяли поля.
Сперва патроны кончились,
а вслед за ними – я.

Пиши, Господь: солдатское
исподнее бельё,
душа моя арбатская
и тело – без неё...

ВОЙНА ОБМАНЕТ

Война (сказать бы поточней)
Все ожидания обманет...
Здесь кто-то станет сволочней,
Кого-то здесь совсем не станет,

А кто-то, сдюживши в бою,
Дорогу к миру не осилит...
Война – проверка на краю...
И жесткий выбор: или – или...

И те, кто выжил, но не дюж,
Не устояв пред искушеньем,
Оставят здесь останки душ
И не заметят пораженья.

И потому слова молитв
Звучат в бою и после боя:
О, Боже, пусть душа болит...
Болит – останется живою.

ПОБЕЛИТЕ ХАТКУ, МАМО

Я капля крови в жёлтом поле,
блакитно небо надо мной,
и ни над чем уже не волен
я, бестелесный и немой.
Теперь я семо и овамо,
и мне легко, как во хмелю...
Вы побелите хатку, мамо,
бо я уже не побелю.

ЮРИЙ ПЧЕЛИНЦЕВ

г. Тамбов

НУ, ЗДРАВСТВУЙ, ВРАГ...

* * *

Ну, здравствуй, враг мой дорогой.
Я русский, посему изгой
Для всего мира. Эка новость!
У русского – своя суровость,
И русич, он совсем другой.

Пусть говорят, что мы не правы
И нет на нас совсем управы,
Но нами ноги вытирать
Не будет никакая бл... (мразь).
У нас в крови такие нравы:

Терпя терпеть, но есть предел.
Ну что ж, мой враг, ты очень смел.
Но, осадив чрезмерный пыл,
Ты на всю землю заскулил.
А нас, скажи, кто пожалел?

Горел Луганск, горел Донбасс,
Они горят и по сей час.
И слышен вой, и слышен плач.
Ты ж улыбался, мой палач.
Ну, всё, уймись. Твой пробил час.

* * *

До рассвета всего минут двадцать.
Просыпается мир за окном.
Вот и всё, нам пора расставаться.
Ухожу, чтоб вернуться потом.

Ухожу в несусветные дали
Через двор, и туда, в тишину.
Ухожу. Меня ждёт на вокзале
Поезд, следующий на войну.

А мой город ещё полусонный
Красотою июльской звенит.
Очень добрый и очень зелёный.
Он со мной иногда говорит...

Нет, я с ним никогда не прощаюсь.
Никогда не прощаюсь с женой.
И, конечно, я им обещаю
Возвратиться скорее домой.

Стук колёс, метроном. Усыпляет.
Стакан водки. Не всю. Отхлебну.
Ещё сутки, пока не стреляют.
А мы едем сквозь жизнь на войну.

* * *

Не все вернутся. Да, не все.
Собрался тоже мой сосед.
Ты не гаси в прихожей свет,
Он путь обратный твой осветит.

А на щите иль со щитом,
Когда-то завтра иль потом,
Людским иль Боговым судом? –
Тебе твоя судьба ответит.

Какие тучи! Словно мир
Весь состоит из чёрных дыр,
А яркий звёздный кашемир
Закрыт, да надолго и прочно.

Сошла на стонущую твердь
В плаще красивом злая смерть
И закружила круговерть
Работой сверхурочно.

Ты не гаси в прихожей свет...
До встречи, добрый мой сосед!

КОГДА МИР РАЗДЕЛИЛСЯ

Они планировали встречу,
Готовили стихи и речи,
Мечтали, как обнимут плечи,
Прижавшись телом и душой.
Но всё откладывался вечер,
И вхолостую тлели свечи,
А между ними Путь был Млечный,
Такой до ужаса большой.

Но небо всё не позволяло,
Оно искрилось и стреляло,

Каким-то очень страшным стало,
Таким, каким бывает грех.
А где-то плакали кварталы,
И, все порушив идеалы,
За что-то без суда карало
Почти что каждого из всех.

Они до больного не вместе.
И с двух сторон – лишь перекрестья.
И зло под диким ликом мести
Рвало скрепляющую нить.
Как быть невестою невесте,
Когда кругом плохие вести?
Ещё лет сто, а может, двести
Им не судьба совместно быть.

* * *

Посчитаю: раз, два, три...
Кто не спрятался – умри.
Всюду крики, мат и стоны,
Кровь и рваные погоны,

Раскуроченный сухпай.
Не доел – не умирай!
Промедол, и тот один.
Три секунды до седин.

– Дядя, дай мне шоколада.
Не стреляй. Боюсь. Не надо.
Там, где прыгали в скакалку,
То ль рука лежит, то ль палка.

– Дядя, детство где моё?
А мы с бабушкой вдвоём.
Я не сплю, глотаю слёзы.
Плачут клёны и берёзы,

Плачет дождь, который пьём.
А мы с бабушкой вдвоём...
Может, есть, где всё не эдак,
Где к столу несут обеды,

Где игрушки надоели
И никто не рыщет цели.
– Дядя, не лежи. Вставай.
Я прошу... не умирай...

* * *

Гудят большие провода,
Висят над городом.
Они такие, как всегда, –
А небо – вспорото.

Там пролетело что-то ввысь
Воздушной линией.
Такой бывает, может, мысль?
Покрывшись инеем,

Чертит по небу полоса,
Не самолетная,
И разделяет небеса
На веси плотные.

Издалека, да сверху – вниз,
В прощальное одета.
Расшевелит июльский бриз
Стосмертная ракета.

И будут рваться провода
В бессмысленном миноре.
И в сто семей придёт беда,
Огромная, как море.

* * *

– За что погиб, товарищ лейтенант?
– За то, чтобы другие не погибли.
– Опять весна последним снегом сыплет.
А ты теперь небесный эмигрант.

– Там много вас?
– Ну да, конечно, много.
– Скажи, ну как там вместе вы?
Ведь кроме своих братьев боевых,
Свела врагов единая дорога

И к Господу на суд и на поклон
Бредут неуспокоенные души.
– Отстань. Дай этот мир послушать.
Он ведь не новый. Чуть забытый он.

ОЛЕГ СИКАРЕВ

п. Ровеньки, Белгородская обл.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ»

24 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА В ПОСЁЛКЕ РОВЕНЬКИ

В это утро я пришёл в райадминистрацию включать для оперштаба по коронавирусу видеоконференцию с губернатором к семи часам утра. Проснулся в полшестого, почитал тревожные сводки, что наши спецвысадки высаживаются в аэропортах, но (даже в свете имеющихся событий) почему-то не придавал им должного значения, а новости не смотрел.

Видеоконференцию подключил штатно в семь часов, но смущали необычные ночные/утренние очень громкие бабахи. Глава администрации проверила подключение и сказала, что именно началось... Тут же ей поступил звонок из области, чтобы на этот день отменили занятия в школах и детсадах. Она начала звонить в Управление образования, а я стал обзванивать своих друзей и знакомых, чтобы детей в школу или в садик сегодня не отправляли. Из обзвонов получилась интересная статистика, когда половина ответили – «Спасибо, понятно!», половина начали задавать много вопросов, а один сказал: «Неужели он на это пошёл, мне стыдно, что я русский!»

После проведения экстренного заседания оперштаба был назначен другой руководитель, а наша глава успела лично съездить в село за Ровеньками, где на сельхозугодья упало нечто похожее на ракету... В нескольких домах вылетели стёкла, бабах был громкий, слышали многие из окрестного

населения. В итоге она привезла и положила на стол рваный чёрный кусок металла перед замком по безопасности, который подтвердил, что да, это оно...

Суматошный день продолжался и тут, в одиннадцать часов раздался звонок моего сына: «Папа, доброе утро! А что случилось? Почему я не в школе? Где мама?» А я позвонил супруге, ну и решили его не будить. Отвечаю: «Если кратко, то война началась, занятия у вас в школе на сегодня отменили». «Папа, ну вечно ты со своими шутками...» И отбил.

Сын, видимо, просмотрел новости и пообщался с одноклассниками и перезванивает мне минут через пятнадцать:

– Папа, так а что делать?

– Ничего нового, никто и никуда не уезжает, учи уроки и покорми Дингу...

P.S.: Несколько позже мы узнали, что на украинской таможне выходил некто и размахивал флагом правого сектора в одной руке и гранатой в другой, угрожая нашему таможенному посту. Также позже мы узнали, что украинцы заминировали свой таможенный пост, но не очень коварно, поскольку все желающие попасть в Россию через него прошли. А сами украинские пограничники через несколько дней почти все погибли за Старобельском в бою с народной милицией ЛНР, и несколько дней их трупы лежали необранными вдоль дороги.

ЗАГЛОХШИЙ ТАНК

Почему-то военные навигаторы часто давали российской армии неверные маршруты, и в нашем небольшом посёлке уже стало привычным делом, что очередная военная колонна в Ровеньках заблудилась.

Однажды, в начале марта, такая танковая колонна проходила мимо местного маслозавода и один из танков заглох.

Остальные продолжили путь, а экипаж пытался оживить свой танк, но тот заводился, громко рычал мощным двигателем и тут же снова замолкал. Один из танкистов зашёл даже в станцию техобслуживания с вопросом – не могут ли их слесари помочь в проблеме, но там лишь развели руками: «Легковушку сделали бы, не вопрос, но танк – извините...»

Событие необычное и интересное, особенно в тихом и спокойном посёлке, об этом сразу же стало известно всем, а на маслозаводе нашёлся мужчина, который служил срочную танкистом-мехводом ещё при Советском Союзе. Он завёл танк, нашёл и устранил причину, объяснил молодым танкистам «военную хитрость быстрого ремонта», за что они были ему очень благодарны.

А пока те занимались танком, местные жители несли танкистам кто что мог, а двое ровенчан в ближайшем магазинчике загрузили багажник своей легковушки коробками с печеньем и пряниками, упаковками газировки и сигарет и радостные подкатили к танку, чтобы отдать это бойцам. Но командир искренне поблагодарил и ничего у них не взял: «Мужики, без обид, танк забит под завязку, боекомплект еле помещается, хотите, посмотрите сами, по дороге уже нас угощали...»

За эти несколько десятков минут вежливые парни в черных комбинезонах стали уже для всех какими-то родными. Но командир ещё раз сказал своё особое солдатское «Спасибо!», и танк двинулся в правильном направлении догонять своих. Люди помахали ему вслед, кто-то перекрестил, и разошлись продолжать свою работу, но у всех на душе стало теплее.

ДАГИ

Спецоперация уже шла вовсю, и очень хотелось что-то сделать в помощь нашим парням, кроме того, что сбросились на работе. А на работе решили помочь только деньгами, по-

сколько наши военные не должны были принимать от гражданских какую-то домашнюю еду и прочее, а всё только в заводских упаковках. Но в том, что помочь нужно, сомнений не было. Несмотря на великий подъём патриотизма и шапкозакидательство, было не уходящее ощущение, что не всё так бравурно, как в отчётах по телевизору.

В конце марта я заметил «КамАЗ» Z, который каждый день около пятнадцати часов парковался в центре у памятника. Уже знал, конечно, что это были дагестанцы и откуда они приезжали. Как-то вышел в магазин за сигаретами и смотрю – стоит этот «КамАЗ», и дверка пассажирская открыта. Подошёл – в кабине пусто, а в тентованном кузове сидит один парень, увлёкшись мобильником, а вдоль скамеек стоит десятка два одинаковых пакетов из магазина. Обратился к нему, чем немного испугал, и предложил ему пятьсот рублей. Он вежливо и смущённо отказался, объяснив, что у них всё есть: Минобороны даёт и зарплату платят. В это время вышли его сослуживцы из «FixPrice» и наперегонки побежали в «Магнит». Он перехватил мой взгляд, и тут один из пакетов пополз и упал, а в нём была полтораха недорогой газировки и упаковка печенья. После немой паузы я настойчиво протянул ему деньги, и он их всё-таки взял, говоря, что не надо бы, что им запрещают, что это лишнее. А никак не лишним это было и очень мало...

ДЕСАНТУРА НА ХУТОРЕ

Как-то поговорил с сыном, что надо бы конкретнее солдатам помочь, на что он очень отзывчиво отреагировал и выбрал несколько пар своих кроссовок, я добавил туфли, купил пару резиновых сапог, ну банка сала традиционная, а в обувь положил по пачке сигарет.

Спросил у замглавы района по безопасности: кому бы лучше отвезти? А он целыми днями объезжал все расквартировывающиеся у нас воинские части и спрашивал, какая им нужна помощь. Он тут же, даже не задумываясь, сказал: «Езжай на хутор N. Там только что парни вышли из-за ленты, обустроиваются, нужно всё».

Погода 13 апреля была, как назло, очень неприятная, прогноз уверенно показывал: сильный дождь, пасмурно и ветрено. Я решил не дожидаться вечера, а сразу после обеда ехать.

На повороте в хутор стояли трое парней, высокие, крепкие, в хороших камуфляжах, без оружия и знаков различия, а только с красными повязками и красными шевронами в виде флага СССР. Правда, голубые тельняшки проглядывали. Они не то чтобы дорогу преграждали, но и объехать их было неудобно. Остановился, спросил, нужна ли им обувь. Они ответили, что ни в чём не нуждаются, но один всё же попросил показать, что мы везём.

Я вылез из авто и спросил, откуда они. Улыбчивый татарин поинтересовался: «Откуда родом, что ли, и где живём?» Я же ответил: «Откуда вывели вас?» Все тут же потянулись за сигаретами, и я в том числе. Ответ был коротким: «Из-под Чернигова». Парни виновато смотрели в землю и дымили, разговор не клеился.

– Вернётесь туда?

– Вернёмся.

В итоге попросили, если меня не сильно затруднит и если я смогу проехать метров триста, то предложить это там дальше ребятам. Дождик начинался.

Мы проехали дальше и увидели их располагу* – это большая зелёная палатка в посадке, насыпом характерные зелёные ящики прямо на обочине дороги. Трое молоденьких

пареньков несли кроватную сетку и обломки каких-то досок к этой палатке. Сказал сыну, чтобы шёл налаживать отношения, но на его предложения они тоже ответили, что всё есть у них... Минобороны снабжает. А потом один и говорит: «Сань, у тебя ж нога сильно берцами растёрта, может, посмотришь на кроссовки?» Паренёк подошёл и выбрал себе по размеру, другие тоже выбрали, а сын бонусом всучил им и банку сала с присказкой, что без сала у нас никак. А когда я сказал, что в каждом берце по пачке сигарет, – они дружно заулыбались.

Возвращаясь, я опять видел тех парней на въезде, поднял руку, а они сдержанно кивнули. После нас туда свернул «Логан», и через несколько минут он уже обогнал меня на бешеной скорости. Потом я видел его у продуктового магазина...

Ехали молча, было тягостно из-за отступления и обидно за сильных вежливых парней, которые чувствовали себя виноватыми и стеснялись даже что-то взять для себя реально нужное.

Молчание прервал сын: «Знаешь, папа, а я запомню для себя вот эту армию, а не ту, что по телевизору показывают».

* Располага – расположение в воинской части (разговорное)

НЕОБЫЧНЫЙ ЗВОНОК

Дело было 19 апреля. Вышел из дома покурить после обеда, да ехать на работу. И тут телефонный звонок. Звонивший обратился ко мне по имени-отчеству, а сам представился майором Сергеем, сказал, что этого будет достаточно, и очень вежливо попросил решить такую проблему: у них поломался дизель-генератор, а без внешнего источника электроэнергии

их мобильное устройство не работает, а это им очень нужно. Поломавшийся дизель-генератор они повозили с местным предпринимателем по Ровенькам и Россоши, но ничего и близко похожего для его ремонта не нашли. В общем, он просил меня помочь им запитаться от вышки сотовой связи, у которой они расположились.

По роду моих служебных обязанностей я всячески помогал сотовым операторам подключаться к электричеству, то ли пытался форсировать техприсоединение, то ли с фермером договориться, чтобы временно от его хозяйства, а здесь наоборот, да ещё очень неудобный для меня оператор, с которым общий язык найти не удавалось ранее. Попыхтел сигаретой, но сразу позвонил в область тому, кто решить этот вопрос может, и неожиданно получил полное понимание, что, несомненно, вежливый личный состав не должен беспокоиться об этом, и уже через два часа в расположение солдат приехал специалист и подключил это устройство от вышки сотовой связи. Вопрос об оплате электричества даже не возникло.

Дело было перед Пасхой, и меня разбирало любопытство: кто они и что. Дождались с сыном субботы и поехали к ним в обед с банками домашней консервации (сын очень переживал, что они их не возьмут, так как было запрещено домашнее для военных, а только заводское можно было им передавать, были и случаи, что военные не брали), замороженным шашлыком (холодильника в посадке у них не было) и шампурами на всяк случай.

Сергей и в жизни оказался очень вежливым и приятным парнем. Их техника теснилась по периметру удобной посадки или въехала в неё. Эх, лесов у нас нет хороших...

Он с благодарностью принял наше угощение (бойцы его всё забрали из багажника), а когда я предложил, в конце уже, ещё новенькую колоду карт, лежавшую под задним стеклом

седана, то он наотрез отказался и сразу настороженно спросил – не привезли ли мы, не дай Бог, спиртного. Карты и алкоголь абсолютно не приветствовались в этой ситуации.

Из секретного – они ехали на учения в Белоруссию. Из сверхсекретного – старослужащие, прошедшие и Чечню, знали куда едут, а молодым подтверждали, что на учения...

Тут же Сергей предложил показать нам их устройство, поскольку у меня был и служебный интерес, чтобы не навредить сотовому оператору, чтобы связь у людей не пострадала. Что сказать – место удачное и вид прекрасный, а на работу базовой станции сотовой связи это точно не влияло.

А когда уже, оживлённо беседуя, шли назад к моему авто, увидели у перехода в посадке мрачного парня в тельняшке, берцах и горках (такой камуфляж), который направился к нам и как-то нагло и что ли резко спросил: «Кто тут у вас главный, и что вам надо?» Мы несколько опешили, а Сергей сказал, что он майор, и поинтересовался, в чём, собственно, дело??? Парень без тени улыбки снова спросил: «Так что вам надо???» Сергей спросил: «В каком смысле?» На что парень уже не грозно, а спокойно сказал: «Ну что надо – говорите, всем обеспечим. Скажите, что именно нужно? Ну, может, там хоть домашнего поесть привезти поутру, пирожков, может, там домашних?» Я не выдержал и улыбнулся, а майор дежурно снова заверил, что всё у них есть, Минобороны снабжает и ничего не надо. Но парень, уже с нескрываемой обидой, не дал пройти и снова предложил помощь во всём, позвал в гости к себе на шашлык да на самогончик отличный. Сергей сказал, что не пьёт совсем и его подчинённые тоже. Но парень не унимался: «Ну не пейте, шашлыка поешьте в беседке, музыку послушайте». А потом неожиданно взял стойкого майора за рукав, в том месте с каким-то пятном: «Постираться б вам надо, а я стиралку новую только подключил, да и соседок

своих позову, посидим, под шашлык музыку послушаем...» Сергей повернулся к своему водителю и кратко скомандовал: «Запиши номер».

Парень обстоятельно рассказал, где живёт, продиктовал свой номер и, взглянув на меня с победоносным видом, гордо пошёл к своему трактору (он, оказывается, поле рядом обрабатывал и наблюдал за нашим приездом).

Что здесь сказать – горжусь земляками!

А ОНИ НЕ БЕРУТ ЧЕКИ...

Тем трём волнам наших военных, что побывали у нас в 2014 году, я почти никак не помогал, особенно третьему заезду, когда здоровенные парни в голубых тельниках элегантно выступали из кузова военного «КамАЗа» у магазина и набирали квас и лимонад, а не пиво и прочее; когда у нашего ФОКа* по вечерам стоял тентованный «КамАЗ», а в самом комплексе офицеры поддерживали тонус мышц на тренажёрах.

Но то ли дело в апреле 2022-го, когда через Ровеньки кто только не прошёл и на самой разной технике, которую потом показывали и по телевизору.

Мы с сыном каждую неделю ездили к своим «подшефным» и отвозили им самые полезные вещи, в том числе и флаги, которые пользовались у них громадным успехом в майские праздники.

Прихожу на рынок, и сразу на входе:

– Сколько стоит флаг?

– 800, ну скинуть особо не могу, поскольку...

Захожу в самую глубину рынка и забираю у парня последний флаг России за двести. Думаю, что надо б ещё подкупить.

Прихожу в магазин канцелярщины и спрашиваю про флаги, а продавец мне отвечает, что остался только один с надписью «На Берлин». Тут некто, из числа клиентов магазина, поинтересовался, зачем мне такой флаг и куда я его? Я ответил, что и сам не знаю, куда именно, ну на «КамАЗ» или «Урал», может, на «Бэтээр»**... Продавец перестала улыбаться, взяла свою сумочку и достала ещё один флаг, который домой брала.

С самого начала СВО я не ввязывался в официальные или стихийные группы помощи, как-то не считая себя волонтером. Уважительно относился к тем людям, которые искренне и бескорыстно помогали солдатам, обеспечивали их душем и ванной, стиркой, а некоторые, причём ежедневно, кормили солдат домашней едой, которая была им так приятна после затянувшегося марша... Но постепенно приходило понимание, что нужна и более весомая помощь, что не будет в Киеве Парада Победы на 9 мая.

Много раз было, продавцы на рынке хорошо снижали цены для солдат на подушки, резиновые сапоги, мешки, бельё и прочее. Случалось, и *аккумы* покупали на военные машины, ну и коптер тоже купили уже по призыву группы гумпомощи «Помощь солдатам», удивляясь его цене и своим возможностям. Но – всё ж для Победы. Но порой мы немели при общении с людьми равнодушными, настаивавшими на том, что не нужна солдатам помощь... Первое и, впрочем, единственное, что крутилось в голове, когда приходилось выслушивать «нефильтрованный» поток их сознания, так это: «И чего ж ты, бедолага, такой умный да красивый, так мучаешься в России???»

В мае гостил у тестя, сидели хорошо под шашлык и обсуждали проблемы наши насущные, а свояк жаловался, что снова краны на воздух у него пропускать начали на «КамАЗе»

да масло подтекает в мосту. Я такой зевнул и говорю: «А ты скажи, что именно тебе нужно, я тут водителям помог, так, может, у них спрошу?» Свояк вытаращился на меня и с матюш-ком ответил: «Ты что, сдурел? Да они сами всё за свои деньги покупают». Я возразил, что не может быть, что Минобороны их снабжает. А он и говорит: «Да они в том же магазине, где и я себе, запчасти набирают, а чеки даже не берут, я и то беру на всякий случай, чтоб жене хоть показать»...

Первые недели СВО, когда помощь солдатам сводилась только к борщам, пирожкам да вкусняшкам, довольно быстро ушли в прошлое...

А вежливые парни со всей России, попадая в наши края, всегда продолжали удивляться гостеприимству и искреннему желанию им помочь у местных жителей, отзывчивости администрации района.

* *ФОК – физкультурно-оздоровительный комплекс.*

** *«Бэтээр» – БТР, бронетранспортёр.*

ВОЛШЕБНЫЙ Z

Рядом за лентой у нас находятся освобождённые от укр-нацформирований территории, где сейчас налаживается мирная жизнь в составе Луганской Народной Республики, вновь создаются органы власти. Первой заработала военно-гражданская комендатура, да и сейчас она является главным регулятором всей жизни небольшого райцентра.

Так вот, решил один дед прикупить себе новый мотоблок перед майскими праздниками, тем более что скопил хорошую сумму в гривнах и решил её потратить, пока ещё есть возможность. Пришёл он на центральный рынок, приглядел мотоблок

и поинтересовался у продавца ценой, поскольку цены плясали каждый день и на товарах ценники даже не выставляли. Ответ продавца его обескуражил, так как пару тысяч гривен не хватало, а ни о какой рассрочке или кредите речи не было в принципе. Продавец только улыбался и говорил: или плати, или уходи, дело твоё. Сетования деда на безбожную цену, обращения к совести продавца эффекта не имели, и расстроенный дед ушёл. На другой день, уже с необходимой суммой, радостный дед снова пришёл на рынок и уверенно направился к приглянувшемуся мотоблоку, но каково же было его удивление и возмущение, когда он узнал, что за ночь техника снова подорожала... На третий день история повторилась вплоть до мельчайших деталей... Тогда бабушка с грозным видом решительно направился в комендатуру, где прониклись его бедой. Более того, работники комендатуры отправились с ним на рынок.

Они сразу подошли к ряду мотоблоков и, даже не глядя на продавца, спросили у деда, какой из них он выбрал. Тот показал. Тогда один из комендантских достал из кармана баллончик с белой краской и нарисовал на мотоблоке букву Z. Деду сказал: «Забирай», а нагловатому продавцу кратко объяснил: «На нужды армии». Радости бабушки не было меры: восторжествовала-таки справедливость! Его мнения, впрочем, вовсе не разделял продавец.

ВЕЗУЧИЙ СЕРЁГА

Звонит однажды мой подопечный майор Серёга и говорит, что проблема у него, поскольку поехал набирать ГСМ (соляру и масло), а оказалось, многие бочки потекли, износились просто. Спрашивает, нет ли у меня возможности где-то взять или купить эти бочки – очень надо. Я позвонил одно-

му хозяину СТО и шести фермерам с этим вопросом. Никто не отказал, но сейчас ни у кого из них свободных не было, к сожалению, а некоторые поотдавали недавно своим работникам или военным... Дело в том, что двухсотлитровые бочки под масла сейчас делаются из очень тонкого металла, после нескольких перевозок в жёстких военных грузовиках они быстро приходят в негодность. Поделился печальной информацией с Сергеем, но и сказал, что надежда есть ещё. Одно из сельхозпредприятий взяло паузу, поскольку оперативно уточнили, что в нашем районе нет точно, но, возможно, что-то будет в Алексеевском. Перезванивают минут через десять и говорят, что в селе Кукурузовом есть бочек десять, сообщают контакты, к кому обратиться.

Тут же перезваниваю Серёге.

Я. Вы сейчас не в городе N-ск?

С. Да нет, выехали уже минут сорок как или больше, а вопрос в чём?

Я. Да в бочках ваших, есть в N-ском районе чёт. Где именно вы сейчас?

С. Ну из N-ска ж мы уже выехали, поэтому...

Я. Где вы сейчас конкретно, назовите населённый пункт!

С. Кукурузы вроде...

Я. Остановись.

С. Что-о? А зачем, ведь мы уже...

Я. Останавливай колонну!!! Сейчас скину номер, куда звонить и сказать от кого, там бочек дадут вам.

С. Понял...

Минут через двадцать обалдевший Серёга перезванивает и благодарит за то, что дали им в Кукурузовом бочек...

Я. А сколько ж дали?

С. Одиннадцать. Обалдеть. Спасибо большое!

P.S. Уже поздно вечером всё это ещё раз обдумал и

написал Сергею: «Все, кому я звонил, вполне нормально относились к передаче бочек, но просто на этот момент раздали все пустые. Если у них появятся пустые и они мне сообщат об этом, то бронировать для тебя или нет?»

Ответ впечатлил: «Ну вы мне сейчас помогли 11-тью бочками, плюс Коля 10 и ещё 8... Давайте у командира сейчас спрошу и перезвоню тогда...»

И везучий, и хитрый! Дай Бог, чтоб всё у него и его парней получилось!

СЛУЧАЙ С ВИТЬКОЙ-АВТОБУСНИКОМ

Виктор, водитель автобуса, по привычке пораньше выехал на работу. Ну и видит, почти у его дома огромный военный трал останавливается, еле влезла эта махина между перекрёстком и его домом. Он подошёл к водителю, которым оказался невысокий худощавый армянин, и позвал его позавтракать, предложил свою помощь, поскольку намётанным глазом сразу увидел целых два спущенных колеса. На что военный ему ответил, что очень благодарен, но завтракать не хочет, поскольку у него тут проблемы, а помощь не нужна тоже.

Виктор уехал на работу. Приезжает на обед и видит, что этот парень продолжает бороться со спущенными колёсами. Снова предложил покушать, может, помочь в чём-то, на что получил уже известный ответ: у него тут дел много, кушать не хочет и помощь не нужна.

Возвращается Виктор домой вечером и видит, что колёса на трале заменены. Снова предложил хотя бы поесть, на что военный водитель снова ответил отказом, а потом добавил: «А, кстати, если можно, если вас не сильно затруднит, то помогите мне эти погрузить на трал».

– Ох! То мы с ним вдвоём, ох, как же мы вдвоём грузили эти два огромные колеса на трал, – вспоминал потом Виктор. – Я сто раз уже успел пожалеть о своём предложении помочь, несколько раз чуть пуп не развязался... А потом как подумаю: а как бы, интересно, он сам их грузил, от помощи-то отказывался, и поменял сам как-то. Что ж они за люди такие... Думаю, что и победим из-за таких парней.

ФЛАГИ И НЕ ТОЛЬКО

Приходилось летом бывать в других областях. И не критика, а просто констатация факта: такой массовой, явно выраженной патриотической символики, как в Белгородской области, нигде не заметил. Может быть, наше приграничное положение как-то влияет на земляков... Вот и недавно ехал из Воронежа. Впереди ехал автомобиль 36-го региона, и догнали мы с ним перед селом Солдатское три «Урала» V, которые вежливо приняли вправо, давая нам возможность их опередить. Воронежский обогнал, да и всё, а я включил аварийку (спасибо на языке водителей), помигал, пока их всех объезжал, а они мне, причём каждый, помигали фарами вслед... И тепло стало на душе. Удачи вам, ребята!

2.

Ничего не оставляй на завтра!
Завтра война! Мировая. Гибридная.
Третья. Четвёртая...
Сухпаёк военторга съедая на завтрак,
Ты увидишь, как катятся к чёрту
Твои ипотеки, кредиты, пузатые хаты...
Карты биты.
Ты гол как сокол.
И не верится.
Ты лежишь среди дикого поля.
Под тобою Большой Суходол.
Над тобою Большая Медведица.

3.

Когда распадалась империя,
Как же мы верили
В мир, дружбу и жвачку,
Биг-мак, кока-колу,
Потёртые джинсы.
Последней заначкой
За все эти прелести не дорожили.
Какими ж мы были наивными,
глупыми, жадными!
Но мир этот сгинет,
Охваченный новым пожаром!

4.

Завтра эвакуация.
Завтра мобилизация.
Поезд отходит от станции
Город Дебальцево.

Ну же, останься,
Не бойся,
Так уже было:
И бронбойными били,
И мы уходили
Без боя,
Чтобы вернуться
К своим алтарям и могилам,
Чтобы остаться,
Чтобы остаться
Собою.

5.
Мне снится Зорро
В своём сомбреро!
А раньше снился город
Пол миномётным обстрелом.
Взорванная Горловка
И её Мадонна.
И слёзы во сне подступали к горлу,
А на иконе
Плакала Богородица.
А может, мне показалось.
И луч восходящего солнца
Сквозь тьму пробивался.

6.
Окопная линия обороны.
Воды по колено, и глина, глина...
Земля пропитана потом и кровью.
Господи, из этого месива ты создал мужчину?

Видны обнажённые корни,
И пролесок синий-синий...
Засмотрелся на цветок воин
И вспомнил глаза любимой.

7.

Причастье битвой.
Причастие ветром.
Причастье светом
В бою со смертью.

Лети молитва
Моя сквозь тризны.
Дай силу в битвах
Сынам Отчизны.
Причастье верой
Во имя Жизни!

8.

Когда наши возьмут Киев,
Мы станем другими.
Мы станем совсем другими.
Какими?
Я не знаю, что мне тебе ответить,
Но я верю в жизнь после смерти.
И в мир после нашей победы!

МАРГИНАЛИИ ДИКОГО ПОЛЯ

На окраине третьего Рима –
Маргиналии дикого поля.

Бродит здесь одинокий инок,
Удалой здесь гуляет воин.
Спины крепкие терриконьи
Подпирают небесные своды.
Погляди же на наше раздолье!
Ощути этот дух свободы!
Мы надеемся здесь на Бога
И на снайперку Драгунова.
В горизонт убегает дорога,
А дойдёшь – убегает снова.
Что в конце пути – неизвестно.
По следам я иду жемчужным.
У меня есть дорога и песня,
Больше мне ничего и не нужно.

ЖИВАЯ ПЕСНЯ

Когда будущее – туманность,
Когда прошлое мне приснилось,
Есть только одна данность:
Ощущенье небесной силы,
Что во мне как росток прорастает
Сквозь тёплую глину тела.
Ангелы сбились в стаи,
На деревья расселись и пели,
Вся небесная эскадрилья,
Тихий хохот, щекотный щебет,
И мои застонали крылья,
А без крыльев душа ущербна.
Но как трудно, как, братцы, трудно
Бремя тягот и тяготения

Превозмочь и взлететь прилюдно,
Раствориться в листе весенней,
Воплотиться в живую песню,
Больше мне оправдаться нечем.
Пусть летит она в дом небесный,
Покидая сердца человечьи.

ВЕЧНАЯ БИТВА

Ни слов, ни слез,
Лишь скрежет стали...
Соль выступает на броне.
Мы в миг один сильнее стали,
Мы научились на войне
Так жизнь любить, как в мирной жизни
Мы не любили никогда!
И боль потери и стыда
Скрывать от всех на горькой тризне!
Так что же, дело молодых...
И мы идем, и дух наш молод,
И вьется стяг, и льётся стих
В пыли дорог. О как мне дорог
Твой образ, Родина моя!
Твои поля, березки, избы,
И безымянным сыновьям
Поставленные обелиски...

МИХАИЛ ВОЛЧИХИН

г. Жердевка

ПОХОЛОДАНИЕ

Ближние мои и дальние,
Разве нам свет не мил,
Разве на похолодание
Мы обрекаем мир.

Холодом тянет с сервера
Через проводники,
Точно с верховий севера
Тронулись ледники.

Точно в белёсо-синее
Небо любовь ушла.
Роща красива в инее,
Роща, но не душа.

Падаю, как в процессию,
Думая, что расту, –
Градусы не по Цельсию,
Градусы по Христу.

Как мы живём неправильно!
Как в полевой тиши
Тайно парит проталина
На бугорке души!

Хочется роду-племени
Наперекор зиме
Вымолить потепление
Общее на земле.

УКРАИНА-2014

Да неужели без конца,
Как в круге проклятом, обратно
Брат будет восставать на брата
И сын преследовать отца?

Да неужели же на бис
Возможно жуткое злодейство,
И миру никуда не деться
От череды братоубийств?

Земля опять раскалена,
И в брате ни слезы раскаянья –
Какого ж миру надо Каина,
Чтоб опостылела война?

Зачем ты руку поднял, брат,
Зачем родство своё оставил,
Когда жизнелюбивый Авель
С тобою радоваться рад?

Застыньте, войны без конца,
Как лава огненная в кратере,
Перед великим плачем матери
И пред молитвою отца!

УКРАИНА-2022

Огонь вскипевшего Майдана
Сжигает мирные дома.
Ты в распрях со времен Адама –
Мир, только не сходи с ума.

Стирались города и страны,
Так, что Заступница Сама
Сходила на земные раны, –
Мир, только не сходи с ума.

О войнах мировых и меньших
Гудят пудовые тома,
А ты как будто не умнеешь –
Мир, только не сходи с ума.

Всё, что творишь, творишь с собою,
Свои набивши закрома,
Пренебрегающий любовью,
Мир, только не сходи с ума.

В истории мечей и ружей
Таится атомная тьма.
Ты Божью заповедь нарушил –
Мир, только не сходи с ума.

Рвала, крушила и кроила
Твоя бесовская чума.
Тобой распята Украина,
Мир, только не сходи с ума.

Услышь молящий голос детский,
Зажми *ату* в зверином рту.
Аллею ангелов в Донецке
Поставь как красную черту.

СОЛДАТ

Когда без совести и чести
Вояки в ломаных крестах
Черны, как карточные крести,
Облюбовавшие Рейхстаг.

Когда из хрупкой детской плоти
Живой сооружают щит,
В каком бы ни была полёте,
Да разве Муза промолчит!

Когда ребёнок, грустно глядя,
Обняв растерзанную мать,
Солдата спрашивает: «Дядя,
Вы нас везёте убивать?»

Да разве сердце не взорвётся,
Огнем не воспыхает дух,
Да разве на всемирных вёрстах
Страшнее сыщется недуг?!

И в этой бешеной запарке,
Где смерть проносится, как смерч,
Солдат, окаменевший в парке,
Да разве не поднимет меч!

ПОЭТ

– Зачем творишь?
Кому все это надо?
Иль так отводишь душу от греха:
По лезвию ножа,
По впадине каната
И по строке бегущего стиха?
Зачем перо и пуля для поэта,
И тяжкий путь, пока ещё живой,
На линии огня,
На грани тьмы и света,
На полосе сторожевой?
Зачем бежать и не искать покоя,
И бить в колокола в эпоху смут и бед,
Когда у Бога воинство другое
Для этого, поэт?
Какое может быть предназначенье –
Не вспомнит ни потомок, ни страна?
Зачем весло, когда несёт течение...
– Изыди, сатана.

СВЕЧА

Не погашай свою свечу,
Какие б ветры ни случились
В пространствах мировых училищ.
Не погашай свою свечу.

На белый свет не прокричу,
Но прошепчу почти молитвой:

Пред аналоем или битвой
Не погашай свою свечу.

Любая нечисть по плечу,
Любая тьма не беспросветна
Не погасившему от ветра
С небес возжжённую свечу.

И даже если к палачу
Погонят с вервием на шее,
Прими как жертвоприношенье.
Не погашай свою свечу.

Ответь в толпу не сгоряча,
Когда окрикнут: как живёте?
– Да, вот на вечном эшафоте
Стою, как талая свеча.

АНАИТ АГАБЕКЯН

г. Донецк

* * *

Помнишь, матушка говорила —
в небе Боженька верховодит.
Но бесовская эскадрилья
в эту осень на небосводе

вышивает крестами саван,
и роняет на землю иглы,
и людей уподобив травам,
косит смерть — где кого настигла.

Не примерив солдатской робы,
вот и ты, паренёк, затравлен:
степь сокрыла тебя в утробе
мягким байковым разнотравьем.

Лёг туман, как сургуч на письма,
да и ветер почил без вести.
Ни слезой материнской, чистой
не омыт, ни мольбой невесты,

только пёс уцелевший чей-то
над тобою завоюет в поле,
испугавшись багровой змейки,
что ползёт по височной доле.

ГОРОД...

Город, лишённый надежд и отдушин,
сгорблен, сплетением улиц задушен,
мимо наростов из камня и стёкол
время бесцельно идёт самотёком.

Город, болезненно серый в удушье,
бьётся в конвульсиях раненой тушей,
пригоршню гордости будто рассыпав,
стал он доступен ветрам ненасытным.

Крохи тщеславия смыло дождями,
город клаксонами суетно мямлит,
но от того, что все почести – первым,
взвинчены высоковольтные нервы...

Всюду засилье заржавленных истин,
воздух, и тот обречённо-охристый –
город во власти тумана-воришки,
больше не верит ни правым, ни пришлым.

Бог не спасёт, и не выручит случай –
город утратами крайне измучен,
только живет, несмотря на потери,
чья-то любовь рудиментом на теле.

* * *

Ветер украдкой крадётся по кромке
неба над кронами. Минной воронкой
рана разверзлась под жёлтым камзолом
в солнцесплетеньи пшеничного поля.

Мешкая малость, с перин горизонта
не поднимается сонное солнце.
Спят по своим колыбелям овражным
дети-солдатики – наши и вражьи.

Жадно глотают предутренный холод,
вытянув шеи, стволы самоходок.
В небе шаманят и цыкают птицы –
пусть тишина чуть подольше продлится.

Но, оглушенные залпом и злобой,
встанут солдатики – взгляд исподлобья,
не убоятся потерь и блицкрига –
лишь неизбежности всем примириться.

АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ

г. Санкт-Петербург

НА ИЗЛОМЕ

Рассказ

Это было пятнадцатого апреля. Солнышко светило, как летом. Дроны засекли взэсушников в лесочке под Рубежным. Сначала вертушки отработали по объекту, потом приехал взвод на двух БМД. Для зачистки. В принципе, зачищать там было нечего. Летуны отработали качественно. Предстояло забрать раненых и подсчитать убитых.

Он лежал под берёзой на пригорке. То ли там его зацепило, то ли сам дополз. Весь бок его был в крови. Он прижимал к ране руку и безучастно смотрел вдаль. Я подошёл, забрал его автомат и вытащил «Макарова» из кобуры. Он молчал.

– Сейчас ребята подойдут. Донесём до машины.

– Не стоит. Печень задета. Бесполезно.

– Не дрейфь, укроп. Ещё поживёшь.

– Придурок, кровь, видишь, темная. Минут двадцать осталось....

Голос его был низким и хрипловатым, как у Бармалея из сказки.

– Посиди со мной. Одному неуютно.

– Лады. Тебя как зовут?

– Коля. Мыкола по-нашему.

– А меня Алексей. Лёха. Что же ты, Мыкола, в эту кашу влез?

– А ты бы не влез, если б мы у Ростова стояли и Воронеж обстреливали?

– Так вы бы Донецк не бомбили – ничего бы и не было. Мы же на Киев не претендовали. Просто жить хотели. Мирно жить.

– Давай не будем. Противно. И бесполезно.

– Болит?

– Нет. Совсем нет боли. Слабость только.

Он оторвал окровавленную ладонь от раны и вытер её о прошлогоднюю траву.

– Ты откуда?

– Из Изюма. А ты?

– Донецкий я.

– Вообще-то я сварщик. Хороший сварщик. Могу и аргоном.

– Опа-на! И я сварщик! Наварили мы с тобой. Дети-то у тебя есть, Коля?

– Двое. Лиза, ей двенадцать, и Петька младший... Там бомбят. Не знаю, живы ли? Своих-то, поди, в Россию отправил?

– Есть, Коля, в Донецке кладбище. «Аллея ангелов» называется. Там похоронено почти полторы сотни детей, за четыре года погибших от обстрелов. Сейчас почти в два раза больше. Мой Васятка там семьдесят восьмой. Шесть лет ему было. Помню, всё говорил: «Ничего, мамочка, я немного полежу и встану». А потом умер. Хорошим мужиком рос.

– Сволочи!

– Кто?

– Все, все сволочи!

– Знаешь, когда там у вас в Киеве началась заваруха, у меня такое ощущение было... как будто у пацана, когда родители разводятся, разъезжаются и спрашивают его, с кем он. Жена у меня русская. Там родни полно. А когда вы в Одессе людей пожги, всё встало на место.

Подбежал сержант.

– Докладываю. Шесть двухсотых, три трехсотых. Раненых погрузили. Там один из них пьяный «в зюю». Этого грузить?

– Нет. Ждите меня у машин.

Сержант посмотрел на раненого, хмыкнул и ушёл.

– Как ты?

– Ноги немеют. Слушай, я вспомнил. Отец рассказывал. Он в детстве в «Артеке» отдыхал. Как отличника направили. Говорит, там и китайцы, и негры были. И все дружили. Потом даже письма из Италии ему приходили. Талантливый у меня батя был. Математик. В институте Патона работал. Знаешь такой? Слава Богу, не дожил. Я потому и в сварщики-то пошёл.

– Сволочи!

– Кто?

– Те, кого здесь нет...

– Ого, уже плыву. Голова кружится. Слушай, Лёш, пока в памяти, у меня просьба к тебе... как к коллеге... последняя. В Изюме у меня семья. Наташа, дети – Лиза и Петя. Петьке, как твоему, шесть лет. Мне бы их из этой мясорубки вытащить как-то. У жены в Тамбове тётка живет. По отцу. Их бы туда.

– Так город ещё под вами!

– Возьмёте вы Изюм, всё одно возьмёте.

Он достал грязной рукой из кармана белый лист бумаги.

– Вот здесь их адрес, а тамбовский они сами знают.

Из сложенного листка выпала разноцветная картонная фигурка.

– Это что?

– Это пазл. Дети любят пазлы собирать. Вот я один взял и сказал, мол, вернись, и всё сложится.

* * *

– Вот так и погиб ваш муж и отец, ребята. Можно сказать, на моих руках. А вот и пазл.

Алексей достал из кармана фигурку и положил на стол. Они сидели в маленькой кухоньке. Женщина тихо плакала. Девочка стояла, опустив голову, а Петька неуверенно вертел головой, соображая, плакать ему за компанию или нет.

– В Изюме вам оставаться опасно. Нацики, уходя, заминировали всё вокруг, да ещё вслед из пушек лупят. Собирайтесь. До границы я вас провожу, а до Тамбова сами доберётесь.

Наташа вытерла глаза и вопросительно посмотрела на детей.

– Я туда не поеду, – поджала губы Лиза. – Хоть куда, только не туда!

Она даже страну называть не пыталась. А шестилетний Петя сбегал в комнату, принёс пластмассовую сабельку.

– Мы будем русню резать! Всех! И нам дадут много шоколада!

В глазах у Алексея помутилось, ругательство едва не сорвалось с плотно сжатых губ, но он сдержал себя и вышел.

Где-то на окраине ухали взрывы, от разбитой колокольни раздавался слабый звук колоколов. Обходя остовы сожжённых машин, Алексей пытался прикурить. Вдруг в глаза бросилась надпись чёрной краской на стене разрушенной школы: «Азов – навсегда!» Помяв сигарету в пальцах, он бросил её в кучу строительного мусора и пошёл назад.

– А ну бегом собираться! Батя сказал – в Тамбов, значит, в Тамбов! Ишь какие! Самозванцы! Живо! Жду десять минут.

Он устало плюхнулся на стул, потирая левый бок.

– Сердца на вас нет! Земляки тоже...

ОКСАНА ЕГОРЦЕВА

г. Горловка

ЗДЕСЬ – КАЖДЫЙ

Здесь каждый повенчан с бедой,
Сверяя потери на раз.
И вновь продолжается бой –
Удар принимает Донбасс.

Здесь в городе каждом – прилёт,
Что рушит и судьбы, и дом:
Плодит бесприютных сирот
Под артиллерийским огнём...

Здесь каждый на слух отличит,
Чем именно давят Донбасс.
Молитвами город укрыт
И криком.

И слёзы из глаз

У каждых, увидевших Смерть –
Старуху с блестящей косой.
Струною натянутый нерв:
Здесь каждый, кто выжил, – Герой!

ЕЛЕНА ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ

г. Макеевка

РУССКИЕ ИДУТ!

Мы восемь лет держались тут.
Нас убивали – не сломили.
Послушай – русские идут!
Мы возвращаемся в Россию!

Земля гудит от силы той.
За правду нашу и свободу
Стоят надёжно стеной –
Защитой братского народа.

В истории немало дней,
Где русский богатырь проснётся
И мощью, силушкой своей
По-русски, просто развернётся...

И восемь лет здесь наш редут
Меж светом и меж тёмной силой...
Послушай! Русские идут!
Мы возвращаемся в Россию!

АЛЕСЯ КАЗМЕРЧУК

г. Луганск

* * *

На ладонь Мариуполь ложится,
Изюм, Волноваха и...
Это чьи города, скажите?
Нет, не кажется – все мои.
Истекает открытая рана,
Вот-вот и совсем истечёт.
Я весной семижильный восстану,
Я покажу ещё!
Ветер сушит сырую землю,
Ветер ленты чёрные рвёт.
Ответь, ангел милосердный,
А была на земле любовь?
Безусловная, всеблагая,
Такая, что не допустит войн.
Чтобы шла хоть рощей, хоть гаем,
А по сути не всё ли равно.
Сбережёт от любой напасти,
От чужих и личных обид,
От чужой и собственной страсти.
Защищать означает любить.
Но что же мне думать, если
Лежу беззащитный в крови.
Может, так, мой ангел небесный,
Я лишён был твоей любви?

КОНСТАНТИН КОВАЛЬ

г. Дзержинск

ФАЗАНЬЕ ЦАРСТВО

Фазанье царство – яблоневый сад,
Заброшенный в пятнадцатом проклятом,
Пустые окна с улицы глядят
По-стариковски как-то виновато...

Безлюдный и не только до весны,
С лихвой вкусивший пороха и соли...
Зато раздолье рябчикам степным,
Токующим на замершем подворье.

В полкрыши без стены и дом – не дом.
Лишь вывеска «Проулок Декабристов»...
Не видевший не думает о том,
Что чувствует живущий где-то близко.

Им дела нет до пропасти людской,
До горьких очагов под паутиной.
И только одичавший домовый
Качается на выцветшей гардине.

И рябчиков пугает – ну народ,
Гнездятся где ни попадя, невежды.
Ведь он ещё кого-то очень ждёт
И бережно хранит свои надежды.

Придёт хозяин – двери примостит,
Научит пол мести, снимать ботинки.
Не для него ли я сумел спасти
Обрывки не сгоревших фотоснимков...

Всё в прошлом. И вечера, и рассвет.
И мамки-папки-дети вереницей.
Лишь ветки лезут в очи – спасу нет,
И колются в ослепшие глазницы.

СЕРГЕЙ КРИВОНОС

г. Сватово

* * *

Страшное время пришло – вседержавная драма,
То ли запутался, то ли запуган народ,
Преданы братство, история, предана память,
Кто вышиванку не носит, тот не патриот.

Всюду доносы, допросы, запреты, наветы,
Всюду крутые разборки и всюду разбой,
И превращён год пятнадцатый нового века
В прошлого века погибельный тридцать седьмой.

* * *

На фото пожелтевшее гляжу,
С отцом сквозь время завожу беседу
И словно в сорок первый год вхожу,
Где смерть близка и далеко – Победа.

Отец, как мне твои слова нужны,
Когда забвенью предаётся подвиг,
Когда историю родной страны
Пытаются переиначить подло.

Отец передо мною – молодой,
В фуражке, в офицерской гимнастёрке.

Был тяжким, батя, путь твой фронтовой,
Пропахший кровью, потом и махоркой.

И кажется, что святостям конец,
Что честь бесчестью битву проиграет.
Но смотрит с фотографии отец,
Надежду на победу оживляя.

АЛЕКСАНДР КУЧЕРЯВЫЙ

г. Донецк

ЗА ШАГОМ – ШАГ

Ползут кровавые закаты,
а утром тот, кто выжил, – рад,
здесь терриконы, как солдаты,
грудь подставляют под снаряд.

Здесь каждый дом и каждый камень,
ребёнок, женщина, старик
идут в сжигающее пламя.
Здесь не молитва Богу – крик.

Несёт сквозь адские пожары
в крови умывшийся народ
свой дух, как песню под гитару,
за часом – час, за годом – год.

Зло, улыбаясь, отрицало,
что был поверженным Рейхстаг,
и память о дедах стирало
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Нас распинать пытались долго
под рёв звереющих атак,
под вой коричневого волка,
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Наперекор трясине чёрной,
зовущей в скачущий бардак,
Донбасс сражался непокорный,
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Когда вгрызался в нашу душу
плоть растерзавший имярек,
Донбасс держал атлантов ношу
из года в год, из века в век.

Играя в русскую рулетку,
превозмогая смерти мрак,
мы мстим за поруганье предков
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

ИВАН НЕЧИПОРУК

г. Горловка

ЧАС «Ч»

И был час «Ч» прописан точно:
Страх оборвать пришла пора!
И распахнулся фронт восточный...
И нужно нам дойти до Волчьей,
А там, глядишь, и до Днепра.

Пусть злоба хлещет грязным валом,
Пусть воют западные СМИ...
Россия, опустив забрало,
В пылу военного запала
Переворачивает мир.

ТОЛЬКО ШАГ

Только шаг отделяет тебя
От летальной дурной круговерти.
Город болью объят –
Именины сегодня у смерти.

Март рыдает, хрипя,
Полдень скатерть кровавую стелет...
Только шаг отделяет тебя
От зловеще-секущей шрапнели.

Донецк – 14.03.22

РАСЦВЕТАЮЩИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
К окопам подступила мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

СЕРДЦЕ РОССИИ

Донбасс – сердце России!
Плакат 1920-х годов

*Ведь русскому миру сейчас не до этого.
Читают все Рыжего и слушают Летова.*
Анатолий Сорокин

А мы на окраине Русского Мира
Живём, оторвавшись, по правилам новым...
Живи – не хочу, меж воронок лавируй,
Ходи на «Юнону», читай Шавкунова.

Донбасс – это край не избитого края,
Здесь всё по-другому, здесь слушают чаще
Вадима Самойлова и «Зверобоев»,
Здесь даже надежды, как песни звучащи.

Мгновения ценят, не бьются с жиру,
Традиции чтут и берут за основу.
На дикой окраине Русского Мира
Читают Черницкого и Иванова.

Кому-то покажется быт здесь убогим,
Увечным, поруганным, не экстра-класса,
Но к сердцу России ведут все дороги:
Идут из Донбасса – приводят к Донбассу.

ПОХОЛОДАНИЕ

Хороводит холод, свет не мил.
Этот ветер лют и быстрокрыл
Свищет в кронах мартовского сада...
И не ясно, то ли Ангел вострубил,
То ли это отзвук канонады.

Потепленье оказалось сном,
Бытие перевернув вверх дном,
Март в безумных корчится ужимках...
За моим простреленным окном
Вьётся одинокая снежинка.

ДЕРЖИСЬ, ГОРЛОВКА!

Не сдаётся зима, и осколки пронзают сугробы,
Давят мысли и страхи, когда сам с собой не в ладу.
Этот город – души моей вечный Чернобыль
И алтарь, на который я сердце кладу.

Город-мученик, он, опалённый огнём операций,
Так устал содрогаться и чувствовать привкус вины...
Я молю: «Продержись! Мы должны продержаться!
Есть надежда, что мы на пороге весны!»

* * *

*Пусть дым горящего Вьетнама
Земле въедается в глаза.*
Николай Тряпкин

Мой край тревогой опоясан:
Пустые выселки вдоль трассы,
Дома – без ризы образа.
Об этом нужно рассказать,
Чтоб дым горящего Донбасса
Европе разъедал глаза.

Мир рвётся чаще там, где тонко,
Наш кряж в разломах и воронках,
Но ты не верь, что правды нет.
Знай, и по истеченьи лет
За каждую слезу ребёнка
Однажды взыщется ответ.

АЛЕКСАНДР РАК

г. Макеевка

* * *

В канун потопа или битвы
Под треск свечей, в дыму кадил
Несутся ввысь слова молитвы,
Прося защиты вышних сил.

Вручив сомненья и надежды
На попеченье сил добра,
Сомкнув измученные вежды,
Мы засыпаем до утра...

...А там, в тех самых высях горних,
Своя, обыденная жизнь,
И по утрам небесный дворник
Сгребает снег и сыплет вниз...

МИНСК - 2

Что недавно казалось адом,
Стало будничным в этот год:
Засыпаю под канонаду,
Просыпаюсь под пулемёт.

И будильник – простой довесок,
Отмирающий мирный быт:
В пять ударит укроп из Песок,
В шесть «ответка» к нему летит.

В восемь – лучше бы уши ватой,
Кто живой и не идиот:
В восемь лупят в Ясиноватой –
Фифти-фифти прилёт-улёт...

Так, на радость заморским гадам,
Не познаша свой – своего.
...А сегодня – упало рядом.
Перемирие, мать его.

ЗАБЕРИ, ГОСПОДИ...

Забери, Господи, память мою,
Слишком она тяжела.
Ты души прибрал, земля – тела,
Я остальное храню:
Как колосья, срезанные на корню,
Вею и ворошу,
Из угла в угол ношу
По тысяче раз на дню...
Забери, Господи, Слово моё,
Не елей оно, а яд –
Если в пламени хаты горят,
И скарб горит, и жнивьё...

И забери, Господи, радугу через лес,
Корнями в добро и в беду:
Всё равно я по ней к тебе не приду –
Без души, без памяти, без словес –
Пока в этом аду
Последний не сгинет бес.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

г. Белгород

И ПОШЁЛ БРАТ НА БРАТА...

Эссе

* * *

Когда в середине марта я вернулся из-за «ноля» – так теперь называют границу (видно, потому, что помножили на ноль саму границу, а может, потому, что это точка отсчета в иное измерение, и множат там на ноль и жизни и судьбы), то сразу насыпались с вопросами: ну, как там? почему остановились? Почему Харьков брать не стали? писать будешь? А что писать, если выгорело всё внутри, выжжено, придумывать не хочется, заниматься пропагандой не в силах, а правду сейчас лучше не знать. Да и кто знает её, правду? Она у каждого своя: солдата, генерала, обывателя, политика... Так что писать не собирался, но события последних дней заставили взяться за перо.

Заходили на рассвете. Мандража не было: кто-то курил, пряча сигарету в кулак, кто-то напряженно всматривался в ночь, уже тронутую тлением, кто-то зябко дёргал плечами – успели промерзнуть, полночи простояв с заглушенными двигателями, и молчали в ожидании отмашки. Мелькнула мысль: так на остановке ждут запаздывающую маршрутку, украдкой поглядывая на часы. Вот и мы на остановке ждём свою маршрутку, только повезёт она не на работу, а на войну, и для кого-то это будет дорога в один конец. Впрочем, война тоже работа.

Минут за двадцать до начала артподготовки передали украинским пограничникам, чтобы они уходили: хоть и *украи*, но свои же, братья-славяне. Вбивали нам всю сознательную жизнь

чушь про братские народы, а братья при удобном случае то камень из-за пазухи достанут, то нож из-за голенища. Вот и теперь верили, что без крови обойдёмся, хотели верить, и понимали, что без неё ну просто никак, и до последнего старались избежать кровопролития. В общем-то они и так знали, что поутру начнётся «концерт» и могут заутюжить и запахать, не спрашивая фамилии, потому резво снялись и растворились. Потом на погранзаставе нашли телефон – простенький кнопочный, быстренько просмотрели – звонки и сообщения из России-матушки, причём их интенсивность росла с геометрической прогрессией ближе к утру. Такое ощущение, что наше контрабандное приграничье по-стахановски сплошь трудилось в поте лица на СБУ.

Артподготовку ждали, и всё же разорвала она ночь внезапно – гудело, ревело, бухало так, что дрожала земля, закладывало уши и казалось, что дома пошли в пляс. Ещё не стихли последние залпы, как «тигр» снёс пограничный шлагбаум и рванул вперёд: нас ждал Харьков. Нас уверяли, что именно ждал и толпы радостных горожан встретят цветами. Он действительно ждал, точнее, поджидал, и встретили, но не цветами: в полдень с верхних этажей домов улиц, выходявших к окружной, снайперы, пулемётчики, гранатомётчики в упор расстреляли нашу передовую группу. И это было только начало.

Адреналин вскипал в крови, мутил разум, возбуждал, обострял слух, и казалось, что взгляды проникали сквозь вязкую темень ночи. Впрочем, то ли глаза попривыкли, то ли действительно чернота размывалась, то ли виной тому сполохи от разрывов на юге, то ли занимающаяся заря на востоке, рассекающая поначалу темноту узким лезвием клинка, а затем всё шире и шире расползающаяся вширь и вкось, то ли всё вместе, но очертания домов и окаймляющие дорогу посадки казались всё чётче и чётче.

Первым шёл Димкин «тигр»¹ с щупающим дорогу, обочины, посадки «кордом»². Дима – боец группы, к которой я был прикреплен. На въезде в село из стоявшего на отшибе огромного склада выскочил «буцефал»³, ошалело заметался – эдакая прыткая коняшка, взбрыкнул короткой пушечной очередью и тут же захлебнулся – Димка стреножил его из своего «корда». Двое выскочивших хлопцев вытащили обвисшего в их руках третьего и замерли у начинающего куриться дымком бэтэра.

– Демилитаризация началась. Эй, гайдамаки, топайте сюда! – махнул рукой старшина-контрактник. – Сейчас будем денацифицироваться.

Трое суток спустя его разорвёт прилетевшей невесть откуда миной. Одной-единственной на версту в округе и за полдня тишины.

Димка распушил хвост и гоголем пританцовывал перед двумя взэушниками. Молодые ребята, но не первогодки, хотя ещё и не волчары. Третьего наскоро запеленали бинтами и уже утащили в «санитарку». Они не выглядели напуганными или растерянными. Их не колотило, и даже не била мелкая дрожь. Напряжённость в лицах, в будто сжатых телах, в какой-то скованности в движениях ощущалась и даже обречённость и безысходность, а вот страха не было. Это были солдаты, заслуживающие уважения хотя бы за то, что не боялись. Что дали бой длиной в четыре секунды. Что смиренно принимали не-

---

¹ «Тигр» – российский многоцелевой автомобиль повышенной проходимости, броневан автомобиль, армейский автомобиль-вседорожник. Вооружение – 30-мм автоматическая пушка, пулемёт «Корд» или «Печенег». АГС-30.

² Корд – российский крупнокалиберный пулемёт (12,7 мм) с ленточным питанием. Предназначен для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, уничтожения живой силы противника на дальностях до 2000 м и поражения воздушных целей на наклонных дальностях до 1500 м.

³ БТР-4 «Буцефал» – современный украинский бронетранспортёр. Вооружение – 30-мм автоматическая пушка, один пулемёт, один АГС-30, ПТРК – «Барьер»

минуемую, по их мнению, смерть. Что всё-таки свои по крови, славяне, а эти и вовсе по вере наши – вон крестики православные на гайтане виднеются в распахнутом ворота.

Вспомнилось, как в четырнадцатом брали блокпост, обороняемый днепропетровскими десантниками. Когда у них закончились патроны, на предложение сдаться раздалось разрывающее мозг и душу: «Русские не сдаются» – и, рванув тельник на груди, пошли в рукопашную... Поминали их потом, ставили свечи в храме и скрежетали зубами: опять гражданская, опять русские льют кровь русскую, опять кому-то всласть наша кровушка.

Эйфория первого боя, которого, в общем-то, и не было – так, перестрелка – улетучилась вместе с выползшим из-за лесочка солнышком, и только Димка суетился, матерился и торопил командира группы. Да и было отчего психовать: потратить два часа на разбор с заплутавшим «буцефалом», дурацкий «совет в Филях» командира и бойцов на предмет, есть ли кто на флангах или нет, хотя знание этого вопроса у всех нулевое, тупое сидение в «мотолыгах»⁴ без бокового охранения, разведдозора и всего, что знал сержант Советской армии.

К обеду вышли на окружную, вошли в город и... Кто и почему остановил нас и отдал приказ на выход, почему не подошли резервы. Почему? Почему? Тысячи «почему?», и все без ответов. Или что-то пошло не так, кого-то напугал именно успех, который оказался неожиданным, как западня.

А ведь позже в освобождённых/занятых нами сёлах и городках часто спрашивали с тревогой и надеждой: а не предадите, как в четырнадцатом? Разворошили тогда людской муравейник идеями Русской весны и Русского мира, заволновался народ, поверил. Ну, так что же дальше?

---

⁴ «Мотолыга» – МТ-ЛБ – многоцелевой транспортёр (тягач) легкий бронированный. «Буханка» – грузопассажирский автомобиль УАЗ-452.

В стылом райотделе в Липцах, расстелив на столе карту города и окрестностей, ещё и ещё раз мысленно проходили маршрут, заходили в город, растекаясь по его улицам, и не могли понять, зачем нас остановили. В канун Дня Победы всё взятое нами в феврале было отдано. Люди были отданы, поверившие нам, что Россия вернулась навсегда. На боль, на смерть отданы. И вера в Россию, в то, что своих не бросаем, тоже была отдана на поругание.

* * *

С рассвета и до наступления темноты мотались по округе, встречались с местными, спрашивали, советовали, помогали продуктами и медикаментами, пытались организовывать хоть какую-то власть, снимали украинские флаги, развешивали красные. Не российские, не имперские черно-жёлтые, а именно красные. Как-то работяга попросил установить красный флаг на братской могиле красноармейцев, погибших при освобождении села. Как встречали нас? Да по-всякому: настороженно, с обидой, с пониманием, со скрытой враждебностью, с надеждой, с сожалением. Может быть, в этой палитре нескрываемых эмоций и есть одна из причин, по которой нас остановили. В общем, ни цветов, ни особой радости не было: война несёт только горе, кого-то разъединяет, кого-то объединяет, но в любом случае – это беда.

Ещё утром в первый день под Волчанском завалили несколько опор высоковольтной линии и обесточили три района. Наши или укры – не выясняли, да и какая разница, коли света нет, а значит, нет тепла, воды, не работает канализация, потекли холодильники, остановились пекарня и хладокомбинат, взвыли некормленные свиньи, ревмя заревели надоенные коровы. С домашним скотом разобрались быстро – пустили под нож, а мясо раздали людям.

Украинские власти никто не винил, российские – винить опасались, лишь вздыхали, отводили взгляды и виноватили во всём войну треклятую. Потом потихоньку оттаяли взгляды, потеплели, когда мы стали делиться сигаретами да пайками – гуманитарка пошла только недели две спустя, перед восьмым марта. Не грабили, не мародёрничали, не арестовывали. А ещё поразило местных обращение на «вы», «здравствуйте – до свидания», но больше всего «извините, спасибо, пожалуйста».

Дед Юшка⁵, местный юридивый, приходил к нам на базу уже затемно, черпал кружкой из котла остывающий чай и вразумлял, усмехаясь в вислые усы:

– Круто кашу заварили, теперь хлебать – не расхлебать. Располовинила власть украинская народ, раскромсала нас по живому, по самому святому – по вере да по памяти, по душе и сердцу разлом прошёл. Гражданская война это, мужики, ещё оттуда тянется, с семнадцатого. В России она, может быть, и закончилась Великой Отечественной, а у нас лишь затихала на время, пока вновь не полыхнула в девяносто первом. А потом у нас бесовство верх взяло, осилило, да Россия вмешалась. Только у вас своих бесов, чай, поболе будет – агромадная Россия, вот и наплодились эти тараканы повсюду. Поганый народец стал, всё одно ему, лишь бы в корыте поило было. Холодильник завсегда одолеет телевизор. В войну как было? Кто в Красной армии, а кто в полициях. А после войны дети породнились, вот и поди разберись кто за кого. Что не радуемся? А что радоваться, коли у половины села родные кто в армии служит, кто в полиции, а значит, сейчас воюют с вами. По мне так осина давно рыдает по этим паскудникам Порошенкам да Зеленским. Про нациков уж и не говорю – бесы это, истинные бесы. И западенцы тоже бесы, чужие они нам, и верой чужие, и духом. Да только опять война кровью нас метить да делить будет.

---

⁵ Юшка – производное от имени Юхым (укр.) – Ефим.

С Юшкой мы не спорили: в чём-то прав он, с чём-то можно не соглашаться, но что *нацики* бесы – это факт. В одном из посёлков взяли их базу. Вечером, разбирая изъятое, наткнулся на брошюрку со статьями Билецкого⁶ «Патриот Украины» и «Украинский расовый социал-национализм». В ней ответы на многие вопросы: *«Лечение нашего Национального организма необходимо начинать с расового очищения нации. И тогда в здоровом расовом теле возродится здоровый национальный дух, а с ним культура, язык и все остальное. Кроме вопроса чистоты, мы должны обратить внимание также на вопросы полноценности расы.»*

Украинцы – это часть европейской «белой расы». Расы-творца великой цивилизации, самых высоких человеческих достижений. Историческая миссия нашей нации в это переломное столетие – возглавить и повести за собой «белые народы» всего мира в последний крестовый поход за свое существование. Поход против возглавляемого семитами недочеловечества». «Если говорить о русскоязычном востоке Украины, украинские территории в составе России, то мы должны в первую очередь пробудить их расовое сознание. Вопрос же тотальной украинизации в будущей социал-националистической стране будет решен в течение 3-6 месяцев с помощью жесткой государственной политики».

Итак, «братский народ», украинцы – самая качественная часть «белой расы». Её историческая миссия – последний крестовый поход против недочеловеков. Унтерменши, недочеловеки – это мы: орки, свинособаки, татары и т.д. *«Верим ли мы в мультикультурализм и возможность проживания разных больших этнокультурных групп на одной территории? ...Нет. Это миф, который привёл европейскую цивилизацию к огром-*

---

⁶ А. Билецкий – создатель запрещенного в РФ националистического подразделения «Азов».

ным проблемам...» «Социальная помощь для рождения ребёнка должна касаться всей украинской нации, но лучшие семьи, которые потенциально могут родить наиболее талантливых детей, должны иметь социальный стимул для рождения максимального количества детей. Таким образом, увеличивая количество украинцев, мы одновременно увеличивали бы процент наилучшего расового элемента нации».

Знакомо, не правда ли? Запах «Майн кампфа» реально ощутим. Концлагеря они уже построили, очередь за крематориями. Там много было таких книжек. А ещё были книги художественные – о «киборгах» Донецкого аэропорта, о «подвигах» «Азова», «Айдар», тербатов, о Небесной сотне, о Майдане – почти все на русском языке написаны и пропагандистски мощно. Украина – превыше всего. Украина – древнейшая и первородная цивилизация. Украинцы – самая чистая на земле белая раса. Украинцы – это мессия для спасения мира от русских. Украинский нацизм оставил нам одно право – право умереть.

* * *

В отношении Украины никогда не питал никаких иллюзий – эклектически собранная, неоднородная, вдруг восплававшая идеей избранности. Есть галичане с ущербной психологией обиженных, с верой, чуждой православию, но пассионарные именно в своей озлобленности и ненависти, выпестованные Австро-Венгрией. Есть срединная Украина, покорная Речи Посполитой. Есть причерноморская, сильно разбавленная *западнцами* в советский период и особенно благодаря Незалэжной. И всё это русская земля, насильно втиснутая в этнотерриториальное образование по имени Украина. Разный язык с диалектизмами, ментальностью, верой, культурой. Лоскуты, сшитые тотальной идеей сверхчеловека.

Топоним «Украина» стал обретать национально-политическую окраску в конце XIX века как национальная территория, находящаяся под гнётом Австро-Венгрии. До этого история знала Псковскую Украину, Рязанскую и другие окраинные земли Московии, позже Слобожанскую Украину, но исключительно как географическую часть единого целого. Советская власть переусердствовала в создании украинского национализма, порой действуя достаточно агрессивно: насаждение украинского языка в пограничных с Украиной областях, распространение газет и журналов, открытие школ и т.д. В принуждении и подчинении большевики преуспели, как и в создании мифов.

Галичина – исторически часть Червонной Руси. Отсекли её в XIII веке, точнее, она добровольно отложила от Руси: Даниил Галицкий за королевскую корону изменил вере православной, повёл русские земли под папскую тиару. Менялся язык, менялась ментальность, менялась внутренняя культура. Возник новый субэтнос, ненавидящий свои корни, не имеющий своих исторических героев, холопски покорный, холуйски преданный.

Русские княжества, попавшие в зависимость от Речи Посполитой, потеряли не только политическую самостоятельность, но и претерпели культурно-языковые изменения. Бунтарски-строптивные сложили новый субэтнос, опять-таки разбавив язык и создав внекорневую культуру и военно-административную структуру, именуемую Сечью.

Советская историография прочно вдолбила в сознание, что Украина воссоединилась с Россией в 1654 году, хотя Украина вовсе не воссоединялась. Была часть Речи Посполитой, называемой Гетманщиной, – территория реестрового Войска Запорожского и часть подконтрольных ему территорий современной Украины. Кстати, в Переяславском договоре нет ни слова об Украине, а всё потому, что таковой не существовало. Гет-

манов, то и дело переходивших то под руку польских королей, то под турок, то под шведское влияние, обуздал Пётр Великий, разогнав эту продажную вольницу. Необходимость проституирования как формы существования государственности прочно вошла в сознание украинцев (через западенцев), спешащих отдалиться кому угодно, лишь бы заплатили.

С термином «Киевская Русь» тоже не всё просто. Возник он в первой половине XIX века у М.А. Максимовича в узкогеографическом смысле для обозначения Киевского княжества, в одном ряду с такими словосочетаниями, как «Червонная Русь», «Суздальская Русь» и др. В таком же значении его употребляли С.М. Соловьёв («Русь Киевская», «Русь Черниговская», «Русь Ростовская или Суздальская»). Обычно период Киевской Руси заканчивали 1169 годом – переносом столицы Руси из Киева во Владимир. Да и вообще с историей Украины, как вообще с нашей историей не все просто – слишком она была политизирована.

Там, за «нулём», я встретил другой народ. И язык вроде наш, русский, и даже суржик – тоже русский. И внешне такие же, что лицом, что одеждой, а вот стереотип поведения совсем иной. Наш сформирован советской средой в особую этнопсихологическую систему: убирать за собою посуду, снимать обувь в прихожей, стесняться, извиняться... Целый комплекс мелких деталек, отличающих наше поведение во внешнем общении.

Многие жители Украины откололись от общей этносистемы, приняв западную модель поведения, но ещё не овладев ею до конца. Мой приятель назвал их оскотинившимися русскими как особый субэтнос – изменившие вере, языку, культуре, отторгающие всё русское, презирующие говорящих на суржике (хохлы дражные, село немытое), пытающихся говорить на украинском языке, не подозревая, что изобретён он в пивных Вены на деньги австро-венгерского генштаба. Кстати, из таких состоит костяк «Азова».

А ведь малороссийское наречие шутя слепил в 1794 году И.П. Котляревский путём нарочитого искажения общеславянской фонетики и засорения языка инославными заимствованиями и нарочно выдуманнными неологизмами, написав им свою «Энеиду». Это потом уже австрийцы, рассматривая русское население Галиции как естественный противовес полякам, посредством греко-католического каноника Ивана Могильницкого внедрили новоизобретённое наречие, лукаво именуемое «руським». Идея украинства для австрийцев была как нельзя удобна – искусственно созданный народец можно было противопоставить и полякам, и русским.

Вот эти хуторянство, мелочность, жадноватость, хитрость, постоянные жалобные стоны, что их притесняют, что это они сначала кормили москалей, сожравших всё их сало, а теперь кормят Европу, воспринимались нами если не с осуждением, то с внутренним неприятием и отторжением. С этими чертами беженцев/эвакуированных столкнётся центральная Россия и слегка оторопее: к ним всей душой, а они считают, что им все обязаны и должны. И ещё какая-то озлобленность, помноженная на зависть.

Нацизм на Украине выпестовали не галичане, не западенцы. Его вынянчили украинцы Полтавы, Черкасс, Киева, Хмельницкого, Житомира, Чернигова. Украинцы центральной Украины, позволившие западенцам установить свои порядки, спасовавшие перед прущей наглостью, хамством и дикостью. Они распевали с ними бандеровские песни, смаковали антирусские анекдоты, позволяли коверкать язык, закрывали глаза на культивирование ОУНовщины, Бандеры и Шухевича. Когда те пошли маршировать по улицам с факелами, а потом с флагами СС – притихли, не смели протестовать, силу почувствовали страшную и безжалостную. Потом они переписали историю, назначив в герои бандеровских палачей. Про сжигание людей в Одессе

старались замолчать – нас это не касается, моя хата с краю, хотя таких Одесс было более чем достаточно по всей Украине.

Сейчас Украина получает *ответку* за безразличие, за трусость, за глупость. В том виде, в каком она была всего несколько месяцев назад, её больше не должно быть вообще – детям нельзя играть со спичками. Чаша терпения у России переполнена. Ополоумевшую соседку с усиками под носом и свастикой на рукаве терапевтически не вылечить – только хирургия.

Дранг нах остен начался не вчера, и сегодня это продолжение тевтонского похода на Русь. И Украина идёт теперь в авангарде нового крестового похода. Результат для Запада не столь важен – всё одно русские в исступлении и ненависти перебьют русских. Причины навязанной нам войны всё те же: деградация западной культуры и веры, её внутренний раскол, становление нового политического центра притяжения, аккумулирующего силы Востока, и здесь же наши национальные богатства и ресурсы. А ещё и потому, что мы чуть ли не единственные, сохранившие чувство человеческого достоинства, другие ценностные качества – совесть, милосердие, справедливость. Потому что мы другие. Вот ребята из 16-й бригады спецназа четверо суток «работали в полях» – спали в снегу, если это можно было назвать сном, из еды – замерзшая галета, ночью вылазка, взятие «языков», снятие часовых. Морозище пробирал насквозь, пообморозились, но когда вышли на базу – ни стопа. Шуточки-прибауточки, подначки-подколочки, неунывающие и улыбающиеся. А ведь мальчишки совсем! Непобедимые, непокоряемые, русские!

Сегодняшняя война – это война за наше выживание, наше существование как народа, как этноса. Нам никто и никогда не простит, что мы русские. Что мы вот такие, какие есть. Что народы Европы и мира снова видят в нас тех освободителей из сорок пятого. Мы возвращаемся. Мы несём знамя Победы.

СЕРГЕЙ СОКОЛОВ

г. Бобров

* * *

Обидно, если гибнут пацаны,
Безусые, прыщавые мальчишки,
Познавшие войну не понаслышке!
Растим мы сыновей не для войны!

И слышу я, с трудом глотая ком,
Как шепчут губы, утопая в тлене,
Не «родина», а «мама, мама, няня»
Их губы с не обсохшим молоком.

Опять ползём знакомой колеёй.
Не будет победителей, поверьте!
Воняют руки порохом и смертью,
А раньше пахли хлебом и землёй.

Горит свеча всю ночь на алтаре,
Но не видать её из кабинетов.
А жизнь опять – разменная монета
В безумной политической игре.

И душу снова рвёт набат церковей,
И снова матери рыдают на погосте,
И зубы снова крошатся от злости...
Не для войны растим мы сыновей!

* * *

Небо рвётся над головой,
Небо брызгается свинцом.
Я – живой! Я пока живой!
И держусь ещё молодцом.

Автомат как прирос к руке.
Автомат – это тоже я.
Палец на спусковом крючке.
Не получится здесь ничья.

Как не хочется умирать!
Как не хочется в двадцать лет...
Темнота... и мне не понять,
Я живой, или больше нет.

Мама шепчет: «Сынок, вставай!»
Мама шепчет: «Сынок, подъём!»
За окном зазвенел трамвай,
Значит, точно ещё живём!

Как же трудно открыть глаза.
Как же трудно лежать в тиши.
Незнакомые голоса:
«Что, очнулся? Лежи, лежи».

Надо мною склонился врач:
«Тяжело тебя было шить!
Ты поплачь, дорогой, поплачь.
Коль очнулся, то будешь жить».

Осень брызгается листвой,
Осень брызгается дождём.

Я живой, я опять живой!
И надеюсь, что поживём!

Июль 2022 г.

ВОЗВРАЩАЙСЯ

Ты уехал опять воевать в свой Донбасс,
И опять закрутилась рулетка.
Понимаю – контракт. Понимаю – приказ...
Возвращайся живым, моя детка!

Я молню всех богов. И молню не впервой.
Возвращайся, прошу тебя, сынка!
Пусть израненный весь, хоть какой, но живой.
Это лучше казённого цинка.

Нам с тобой, мой родной, рук моих – на двоих,
За глаза! Как у нас говорится.
За тебя каждый день, каждый час, каждый миг
Буду я непрестанно молиться.

Я б уехал с тобой, только вот не берут.
Говорят, что больной я и древний.
Врут, конечно, они. И бессовестно врут!
Я, вообще, первый парень в деревне.

Ты же знаешь, сынок, я, конечно, шучу,
Хоть в последние месяцы редко...
И опять, как во сне, тихо я бормочу:
«Возвращайся живым, моя детка!»

ЕВСТАХИЙ НАЧАС

г. Тамбов

* * *

Какие б ветры в небе ни трубили,
какие б птицы ни стучали в дверь —
на Западе Россию не любили,
а многие не любят и теперь.

За то, что её дали необъятны,
что счастлива в дворцах и в шалашах,
что до сих пор осталась непонятной
загадочная русская душа.

За то, что строит храмы, верит Богу,
за то, что песни грустные поёт,
за то, что обрела свою дорогу
и никому её не отдаёт.

России Запад снова досаждаёт
со всех возможных для него сторон:
послушные режимы насаждает,
где русофобия всесильна, как закон.

АнтиРоссия на Днестре возводится,
я не за Волгу, я за Днепр боюсь —
издревле под Покровом Богородицы
жила и жить веками будет Русь!

ВЕРА КОБЗАРЬ

г. Белгород

* * *

Лишь только отпылал Кавказ
И пепелище не остыло –
Горит и рушится Донбасс,
Попав в злоещее горнило.

Сосед в огне, и смрад кругом –
А нам всё будто лень проснуться,
Но не успеем оглянуться –
Как собственный затлеет дом!

ГОРОД

День угасающий гулками взрывами вспорот,
Радостный мир – за далёкой незримою гранью,
Мартовский снег укрывает израненный город,
Словно бинтами врачует кровавые раны.

Не верю, не верю тому, что я слышу и вижу, –
На детской площадке зияют разрывов воронки,
Как же, мой город, нам выстоять, как же нам выжить?
Прошлая жизнь – словно горький обман фотоплёнки.

Серую тьму раздвигают зарницы рассвета,
И, как ни странно, в окошке ребёнок смеётся!
Это рождение новой надежды ответной –
Город мой жив, пусть изранен, но он не сдаётся!

* * *

Изюм оставили... Лиман...
Жестоко бьёмся за Каховку,
И накаляет обстановку
Весь интернетовский шалман.

Как горько плачут небеса,
Омыв дождями убиенных!
И похоронки на военных
Идут в родные адреса...

Повис над Русью чёрный плат
Безмерной скорби и тревоги,
И кроме Бога – нет подмоги
У русских доблестных солдат.

Но волю мы сожмём в кулак,
Припомнив, как сражались деды!
И донесём до дня Победы
Омытый кровью алый стяг!

ЗАПАСНОЙ ПАТРОН

Я – не в обойме, выстрел мой нескоро...
Я до поры в коробочку упрятан.
Уже стихают перестрелок споры,
И солнце быстро катится к закату.

Я не в обойме... Но на фланг передний
Спешит стрелок. Моя цена известна.
Я запасной. А может быть, последний...
Поэтому моя не спета песня.

ЮРИЙ КОВАЛЬЧУК

г. Новая Каховка

ЗНАЕТ ТОЛЬКО КОВЫЛЬ

Новелла

Санька проснулся до рассвета и мигом оделся. Потом на цыпочках прокрался к входной двери и, мучительно ожидая предательского скрипа, выскользнул из дома. До восхода солнца было ещё далеко. Пронзительно пискнула птица; звякнула цепью беспородная Дора в будке. Санька скользкой тенью метнулся к забору и одним рывком перескочил его. Кроссовки застучали по лунной пыли, оставляя космические следы. Пробежав несколько кварталов, мальчик скатился в овраг и остановился, переводя дух, в условленном месте. Скоро появились его товарищи – Валик и Егор.

Егор, самый старший в компании, коротко поздоровался и кивком головы позвал ребят за собой. Троица молча двинулась сквозь предрассветные сумерки прочь от посёлка в степь. Извилистая тропинка петляла между холмов и терриконов, вела их вглубь бескрайнего дикого поля. Задумчиво кивала желтыми головками пижма; струился в холодном воздухе ковыль.

Мальчики шли быстро и сосредоточенно. Неутомимые, крылатые детские ноги равномерно отмеряли путь, шаг за шагом приближая их к цели. Их преследовало солнце, яростным желтком поднимающееся из недр травяного моря. Вскоре впереди показалися утопающие в зелени ряды дачных домиков. Ребята с удвоенной энергией устремились к ним.

Поначалу контуры дачного посёлка ничем не отличались от привычного вида уютных «фазенд», на которых так любят копаться в земле обыватели советской закалки. Скромные одноэтажные,

изредка двухэтажные домики, хозяйственные постройки, раскидистые абрикосы и черешни, заросли смородины и малинники. Однако чем ближе мальчики подходили к дачам и чем ярче освещало посёлок солнце, тем лучше становилось видно, что ветви деревьев бессильно висят, подрезанные осколками и картечью. Окна домов зияли чёрными беззубыми ртами; крыши во многих местах были пробиты снарядами, а кое-где на стенах виднелись следы плевков артиллерии, как будто кто-то грыз кирпичные стены. Местами сквозь зелень чернели сгоревшие домишки.

Группа клином, с Егором впереди, врезалась в сонный покой дачного посёлка, остановилась, чтобы перевести дух и нарвать вишни, щедро облепившей дерево, расколотое пополам разорвавшимся снарядом.

– Уже светло. Идти будем друг другу в затылок и очень осторожно. Ни влево, ни вправо не отходите. Смотрите под ноги – дядька говорил, что тут полно неразорвавшихся снарядов, а может, даже мин или растяжек. Надо идти осторожно.

Егор сурово шмыгнул носом и присел, чтобы потуже завязать шнурки. Серьёзность его голоса заставила Валика и Саньку собраться. Ребята передохнули, а потом двинулись гуськом по обманчиво мирной улице.

Дачный посёлок был небольшой, и вскоре дети вновь нырнули в разнотравье донбасской степи, мерно выбивая ногами в лёгких кроссовках пыль из забытой тропинки. Степь просыпалась; становилось жарко. Тягучей патокой жужжали в травах насекомые, весело переговаривались птицы. Стремглав ускакал вдаль спугнутый шагами детей заяц; заскрежетал в путанице растений фазан. В степи неясно было, что светит ярче – солнце или безоблачное синее небо.

Чем дальше уходили мальчишки в степь, тем тише становилось. Умолкли птицы, давно не слышно было далёкого гула проснувшихся машин. Только насекомые продолжали жужжать

вокруг и ветер едва слышно скользил, волнуя блекло-жёлтые волны ковыля. Тишина угнетала. Егор насупился; его друзья стали торжественно-сосредоточенными.

Вскоре тропинка вывела их на огромную проплешину горелой травы. Мальчики пошли ещё осторожнее, с ужасом и восторгом осматривая панораму ада, бушевавшего недавно в степи. Неподдалёку посреди огромного пятна чернели сгоревшие полевые кухни. Рядом россыпью ржавели банки из-под консервированной тушёнки; среди них желтели потрескавшиеся обгоревшие кости. Ребята их не заметили.

В капонире дохлой коровой гнил взорванный танк. Рядом размотанными цепями гусениц скончался ещё один – его башня валялась в нескольких метрах в стороне. Пегие от ржавчины остовы армейских грузовиков так и остались стоять там, где они дожидались эвакуации пехоты. Повсюду виднелись воронки, изогнутые куски металла и осколки снарядов.

Дети осторожно пробирались сквозь кладбище сгоревшей техники. Озирались, преисполненные ледящего душу благоговения. Присмотревшись, Санька вдруг осознал, что белеющие в куче горелого хлама камешки – это человеческие кости, и тут же, как это бывает, если долго рассматривать голололомку, всё прояснилось, и он понял, что выгоревшая поляна усеяна останками. С трудом сглотнув подступивший к горлу тошнотворный комок, он стал смотреть в спину Егору.

Пройдя сквозь мемориал уничтоженной техники, мальчишки оказались перед пригорком, изрытым воронками от снарядов. Его плоть была изъедена старательно выдолбленными в сланце окопами, практически полностью засыпанными артиллерийским обстрелом. Повсюду валялись хвостовики от ракет «Града» и какие-то лохмотья. По всему было видно, что анонимные ракетчики поработали тут на славу, тщательно перекопав каждый метр холма.

Егор поглядел на циферблат наручных часов и удовлетворённо кивнул.

– Мы вовремя. Сейчас должно начаться. Дядька рассказывал, что они с 7 утра обычно начинают. Надо тихо пройтись и послушать. Их тут должно быть много. Смотрите внимательно под ноги.

Ребята рассредоточились и принялись бродить по холму, то с трудом выбираясь из полусасыпанных окопов, то взбираясь на холмики измельчённой породы. Санька невнимательно глядел под ноги. Ему уже было тошно от этого места и хотелось лишь одного – как можно скорее оказаться подальше от выгоревшей степи с обугленными, безжизненными стволами растений. Впереди из земли как гриб вертикально торчал ботинок. Санька, походя, пнул его, но тот не пошевелился. Машинально он наклонился и подёргал за ботинок рукой, но тот не поддавался. Санька пошёл дальше.

Вдруг его внимание привлёк какой-то гул. Оживившись, мальчик пошёл на звук – он доносился из пригорка неподалёку. Опустившись на колени, Санька стал шарить в пыли руками и вскоре извлёк из комков породы и осколков сланца дешёвенький мобильный с поцарапанным экраном. Как только он достал телефон, тот прекратил звонить, но в этот миг приглушённое жужжание виброзвонка стало доноситься из соседнего окопа. Потом ещё откуда-то дальше.

Послышался торжествующий вскрик Егора. Санька сунул пыльный телефон в карман, поднялся с колен и, найдя глазами то-варища, подбежал к нему.

Егор был занят. В руках он держал обгорелую человеческую кисть, сжимающую большую и плоскую шайбу смартфона. Егор, что есть сил, пытался вырвать чудом уцелевший – даже не поцарапанный – телефон из мёртвой хватки его владельца, но разжать пальцы не удавалось. За его потугами завороченно следил Валик, успевший уже разжиться трофейным средством связи.

Егор схватил одной рукой телефон, а второй кисть руки и сильно потянул их в разные стороны. Раздался противный и какой-то сырой звук, и человеческая плоть отделилась от мобильного, оставив только небольшой кусок кожи на его поверхности. Санька отвернулся. Его стошнило. Где-то рядом из-под земли занял ещё один телефон. За ним ещё один.

Егор ногтем содрал кожу с экрана смартфона и вытер пальцы о штанину.

– Вот это да! Это же дорогушая вещь! У моего дядьки и то дешевле!

Валик и Егор с интересом рассматривали устройство, и даже Санька подошёл поближе. Егор пытался включить телефон, но ему это не удавалось. Вокруг назойливо жужжали похороненные мобильные. Внезапно экран загорелся, и из темноты чёрного зеркала как будто выпрыгнуло гротескное женское лицо, а из динамика заревел гимн Украины.

От неожиданности Санька подпрыгнул, а Егор уронил телефон в пыль, но тут же поднял его снова. Звонок прервался, чтобы начаться вновь. Егор с раздражением сбросил его, но украинский гимн тут же снова поплыл над степью. Теперь мальчик искал, как выключить мобильный, но ему это не удавалось, а незнакомое женское лицо, окаймлённое гимном усопшей страны, вновь и вновь тошнотворно зывало к степному безмолвию.

– Ответь ей или выключи, – занервничал Санька.

– Да, хватит уже! – поддержал его Валик.

Егор сопя продолжал бороться с незнакомым ему устройством и, наконец, в пароксизме раздражения нажал на зелёную трубку, поднёс телефон к уху и резко выдохнул: «Что?»

На миг телефон умолк, а потом разразился смесью рыданий и невнятного бормотания. Потом (вероятно, трубку взял кто-то другой) раздался мужской голос.

– Васыль?! Васыль?! Цэ ты? Ты дэ? Не можу до Пэтра дозвонитись. Шо там в вас коэться?

Мужской голос опять исчез, сменившись отвратительным бабьим воем и причитаниями, потом мужчина снова вернулся.

– Васыль, шо там в тэбэ?

Санька вопросительно посмотрел на Егора, а тот недобро ухмыльнулся и отчётливо проговорил в микрофон:

– Пипец твоему Васылю. И Петру тоже пипец.

Неосвязаемый канал связи налился почти ощутимым, желеобразным молчанием.

– Шо ти кажеш? Ты хто? – как-то беспомощно проговорил мужской голос. За ним нарастал жуткий нутряной вой.

– Говорю же, полный пипец им. Не понял, что ли? Поехали твои сепаров пострелять, да вот теперь тут валяются. По частям. Могу руку прислать, если хочеш. А лучше сам приезжай. И тебе место есть. Руку для тебя оставлю – потом заберёшь.

Глаза Егора сверкали; он почти шипел.

– Вы ж думали вы тут нас всех сразу нахрапом возьмёте, так хрен вам, суки!

– Хлопче, шо ты такэ кажеш? – умолял голос в мобильном, но Егор что есть силы хватил телефон о землю и для верности несколько раз впечатал его ногой.

Он тяжело дышал. Валик отсутствующе смотрел в сторону. Санька беспомощно икнул.

– Укропы скрёбаные! – выдохнул Егор и попытался сплюнуть, но у него пересохло в горле. Он достал из рюкзака пластиковую бутылку с водой и отхлебнул несколько раз, потом передал бутылку икающему Саньке.

– Чего встали? Вон, слышите, сколько их там звонит? Давайте собирать, и домой быстрее. Мне ещё сегодня надо отцу дома помочь.

Мальчики молча разбрелись по могильнику, старательно прислушиваясь к жужжанию телефонов под землёй.

АЛЕКСАНДР СИГИДА

г. Молодогвардейск

ИЗ ЦИКЛА «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

ВМЕСТО УТРЕННИХ НОВОСТЕЙ

если нас не теревить, никого не тронем...
нас пытаются убить – то горим, то тонем

то разбойник-соловей, то француз, то шляхта...
самых лучших сыновей забирала шахта

то татарин, то поляк, то лихие немцы...
в древнерусские поля вышли ополченцы:

поднимается народ на святую битву;
(с сентября закрыт завод); Бог забрал молитву...

к потерпевшим небесам обращаем лица;
верю – солнечным часам не остановиться

21-22.07.2015

ЯНВАРЬ 2014

Писала британская «дейли»
что право имеет народ...
вовсю разливают коктейли;
бульжники – в наш огород

Леваду и крайние хаты
пока что не тронул пожар;
на западе – можно – захваты...
а нам через тряпку дышать?!

Все слушали странную верку...
судачили с разных сторон:
стоит без движения «беркут»
прикрыв безоружный «омон».

5.07.2016

НЕ О ТОМ...

От войны гражданской избавленья нет...
Где-то под Должанкой затерялся след

Остаются внуки – дети без отца;
Ищем в интернете – не найдем конца...

...Вспомнит проигравший
и прольётся свет...
«Без вести пропавший» –
вот и весь ответ.

7.07.2016

НЕ СПИШЕТСЯ...

Отвечу резко трепачам –
помогут сын и брат;

а он воюет по ночам:
«...в дивизию – комбат!»

У вас «Динамо» и «Зенит»
«аквариум» «любэ»;
а он до старости хранит
бэ/ушное хэ/бэ

Никто не спишет груз потерь
– езжай – спроси у нас;
какая разница теперь:
Афган или Донбасс?

Но предпочтительней куда
подсчитывать ворон;
у добровольца есть всегда
заныканный патрон.

3.09.2016

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО

Раскалились трубки от шальных вестей
– «это – мясорубки» – две из областей...

Тыловые части брошены в расход;
образец несчастья – сорок первый год

На пути составов никаких преград;
через год оставят Ворошиловград...

Пробую на месте подобрать слова...
(от дурных известий кругом голова)

как заморозили – планы кувыркком;
где наш Ворошилов – боевой нарком?

вылезли из грязи, взявшись за булат;
Краснодон на связи или Сталинград?

думал – безвозвратно канула звезда...
но туда-обратно ходят поезда

на восток – на север выведут пути?
суета осела где-то впереди

ваш вагон товарный или прицепной?
будут и победы, но какой ценой...

27.05.2015

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ. ЭПИЗОД

...Чуем, как юзовский уголь
нужен французским судам;
с фронта Донбасс – Мариуполь
слухи доносятся к нам

рушатся замки утопий
через войну потому
из достоверных подобий
знаем по-прежнему у

власти – европа с рогами –
это уже не секрет;
станут герои врагами,
и не поможет совет...

дали заплёванный пряник
и романтический кнут;
(сядут на новый «титаник» –
если сюда заплывут)

лупят холопы друг друга –
силятся взять на испуг;
всё начинается с Луга...
помыслы тянут на юг

даты запишут подробно
и заведут – «как-то раз...»
...будет навеки свободно
Сердце России – Донбасс.

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА

г. Луганск

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Там шёлка нет. Шелковичный узор
Вползает в тень стареющего дома.
Там в детстве я, как Гекльберри с Томом,
Ведром сирени красила забор.

Там снится сон горячий вековой.
В нём русский дух летает над Луганью.
Река шахтёров стала иорданью,
Где крестится сегодня шар земной.

Где мергель стен давно уже разбит,
Там нет совсем ни серебра, ни злата.
Зато растут смородина и мята,
Зато компот с утра уже кипит.

Который день вдыхая зелень штор,
Кошачий царь лежит в тени вишнёвой.
И я иду по улице Садовой
Туда, где ждут и любят до сих пор.

ГОСТИ

Кровать-скамейка. На ней рожали...
Древесный запах заполнил дом.
Скрипели двери, – войны скрижали
Писались тоненьким угольком.

Сходились гости. В руках – по стопке.
Спешили, видно, на огонёк.
С размаху Слово бросали в топку.
А на дощечке спал мотылёк.

Сражались мысли на поле битвы.
Пищали мыши на чердаке...
А к сердцу близко дрожал, как листик,
Листок с молитвою в левой руке.

Гремели кружки. Горели свечки.
Смеялись люди. Им невдомёк,
Что Божий Ангел достал из печки
С горячей кашею чугунок...

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

г. Донецк

* * *

Мой город. Мой Донецк. Моя печаль.
Вдохнул со стоном. Глухо. Больно. Стыло.
Так плачет оцинкованная сталь
от лёгкого прикосновенья била.

Молчит труба. Архангелы не спят,
взирают сверху вниз на толковище.
Лишь некто в белом с головы до пят
кричит, срываясь в рык, на пепелище.

А некто в чёрном скалит тридцать два
на кураже. Он зол, упрям и весел.
Где истина? Слова, слова, слова...
О славе, о героях, о насесте.

Ещё не вечер, не гудит набат,
ещё снаряды не жужжат слепнями.
Донецк не спит и, немотой объят,
молчит, вращая в тишину корнями.

* * *

Год за два на войне, год за два.
Наливается болью трава,
и скорбят без коры дерева,
и уже не звенит тетива.
Год за два на войне, год за два...

Год за три на войне, год за три.
Если сердце без фальши внутри,
поднимайся, иди и смотри,
и дорогу другим протори.
Год за три на войне, год за три...

Год за пять на войне, год за пять.
Ты уже разучился мечтать,
ты уже разучился летать
и бредёшь через гиблую гать.
Год за пять на войне, год за пять...

Год за семь на войне, год за семь.
В бесконечном больном колесе,
из которого выйдут не все
по полыни в кровавой росе.
Год за семь на войне, год за семь...

* * *

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит, не сломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

Когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

АЛЕКСАНДР САВЕНКОВ

г. Горловка

ПИСЬМА ИЗ АДА

«...он, смеясь, ответил мне:

«встретимся в аду».

А. Ахматова

1.

Она сказала: «встретимся в аду»,
и если я всё верно понимаю,
то на беду, на страшную беду
в одном году сошлись три чёрных мая.

2.

Я пишу тебе из ада
на слепом излёте дня:
кладбище разбито градом,
дом на линии огня,
хлеба нет, надежда только,
что поможет лямку Бог
нам тянуть с соседским Колькой,
раз уж чёрт нам не помог,
во владениях аида
шоколадный жирный чёрт...
ну, прощай, сестрёнка Лида,
может, свидимся ещё.

3.

Вот и Медовый Спас...
только б хватило сил:

рядом рванул фугас,
мальчик заголосил...
но и в своём аду
город ещё живой:
очередь в триста душ
за питьевой водой.

4.

От страха – смех нервозно-сладкий,
а от смешного – не смешно,
где даже спящие с оглядкой
лихую коротают ночь.
быть может, всё свершится скоро,
но час здесь тянется сквозь дни
и люди так вкрапились в город,
что их стирают вместе с ним.

5.

Им нет покоя – ангельский уют
саднит и колет там, где сердце билось,
им видно землю грешную свою
до мелочей, вплоть до своих могилоч...

6.

Лучше войны никто не научит
самым простым вещам:
долго ли ждать,
что значит сущий,
стоит ли обещать
плачущим детям
детство как праздник,
светлый покров небес...

прошлой и будущей
выверив разность
веры в самом себе.

7.

Когда вы были молодыми,
именно в те полмига
подыскивал мне ангел имя
в апрельских книгах,
на тёмной дудочке играя,
смывая переливом нот
воспоминания о рае,
что будет всё наоборот
и в разлинованной тетради,
как на фейсбуковой стене,
воспоминания об аде
запечатлеются во мне.

8.

Пустые слёзы на щеках
под ветром стылым:
всё то, что мнилось – на века! –
сошло в могилу.
талдычат суетные дни
войны законы
да колоколенка бубнит
чудны'е звоны,
и чья-то жизнь длиною в шаг
из ада в царство,
пока другой душе душа
плетёт мытарства.

9.

Но мы друг другу стали ближе,
иного не нажив добра,
когда вовсю пытались выжить,
чтоб научиться умирать.

10.

И кто-нибудь потом напишет:
здесь люди-стены, люди-крыши,
как дети, мечутся во сне,
и кровь, как звон, в набрякших венах
о всех невинно убиенных
на диком поле наших дней.

* * *

Бывает так, и было так, и будет:
внезапность, очертив незримый круг,
тасует судьбы на зеркальном блюде,
как мишуру на ледяном ветру...
ещё покоен дом и дети рядом,
и ужин на столе горячий, но
смерть за спиной стоит с холодным взглядом
и смотрится в разбитое окно...
и треснет время в деревянном чреве,
и протечёт забвением имён,
и дочке будет пять, а сыну – девять
отныне до скончания времён.

* * *

Небо рушилось на дома,
камни брызгали ало...
так хотелось сойти с ума,
и не получалось.

Накрывала и кровь, и боль,
жирная копоть...
так хотелось, чтоб мир – любовь,
а не окопы.

Искорёженной жизни ось
просто вырвут, как жало...
запрягай, мужичок, «авось»,
трогай помалу.

ЮРИЙ ХОБА

г. Докучаевск

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Рассказ

Быстроногий олень уткнулся лицом в растоптанную и поэтому пахнущую горечью траву прифронтовой рощи. Истошные вопли «скорой» вначале приблизились, но вскоре начали отдаляться и чуть позже умолкли в лабиринте окраинных улиц.

– Наверно, кому-то еще хуже, чем мне, – сказал Быстроногий олень, и слова его зависли на встрепанных кустах жимолости.

Но он ошибся. Пожалуй, во всей округе не сыскать человека, которому было так худо, как ему. Перетянутая брючным ремнём повыше колена левая нога совсем онемела, и теперь от неё по всему телу расползались холодные черви.

Сразу после случившегося он вскочил, однако нога подломилась, и Быстроногий олень на мгновение перестал слышать вопли «скорой» и трели невесть каким чудом уцелевших соловьёв. Похоже, угодивший в голень осколок перебил кость чуть пониже колена.

– Увидела бы меня сейчас Люсьена, – пробормотал сквозь зубы, – с ходу перекрестила бы в туберкулёзную улитку.

Прозвище получил от Люсьены, бабёнки настолько беспутной, что от неё отеклась родня.

– Ты точно быстроногий олень, – сказала она однажды. – Идёшь – копытцами постукиваешь.

Подмечено верно. И впрямь при ходьбе постукивал копытцами. Но на это имелась причина. Ещё в прежней жиз-

ни, до того, как разбежались с женой, по пьяни уснул возле подъезда и напрочь отморозил пальцы на обеих ступнях. А конечности без пальцев всё равно что автомобиль без амортизаторов. Никакой мягкости при движении, да и сцепление подставок с почвой уже не то.

– Эх, Люсьена, – выдохнул в измятую траву Быстроногий олень, – знала бы ты, как мне сейчас хреново...

Обычно человек начинает думать вслух под старость. А Быстроногий олень, сколько помнил, чувствовал себя одиноким стариком. И только под хмельком испытывал желание найти собеседника.

Поначалу обитатели слепленной под кустами, невесть каким образом попавшей на городскую свалку магалебской вишни, лачуги, к которой Быстроногий олень прибилась ещё прошлой осенью, косились:

– Что за сумеречную личность принесло к нашему берегу?

Однако за нового товарища вступилась Люсьена, чьё старшинство признавали ещё трое других постояльцев городской свалки. Ласковый дурачок Бабу и двое рыжебородых братья, которых разделяли по возрастному цензу – Старший и Меньший. Братаны имели такие косматые бороды, что после трапезы из них приходилось вытряхивать хлебные крошки и увязших мух.

Глядя на эти манипуляции, дурачок восторженно хохотал: «Ба-бу, ба-бу». Правда, иногда он произносил вполне членораздельное: «Билять». Но это случалось редко. Появление чужака Бабу воспринял радушно и даже похлопал грязноватой лапкой по плечу. Зато братаны подступили с расспросами:

– Кто таков? Почему смурной?..

– Отцепитесь от него! – прикрикнула Люсьена. – Вас же никто не пытал – с какой радости пропили родительский дом?

Прибился – пусть живёт. Как говорит наш благодетель Сашок, пара рабочих рук лишней не бывает. А что смурной, то, может, у него душа отшельника.

И то ведь так. Будь у Быстроногого оленя душа поэта, а не отшельника, он бы, наверное, сказал, что губы Люсьены – изгиб половецкого лука. Правда, изгиб тот утратил былую упругость. Точно так же обмякло и лицо, словно там, внутри, оборвалась связующая нить.

Но как бы там ни было, Люсьена не бросила бы его в переходном состоянии. Только потерялась она, как потерялась в лабиринте примыкающих к роще окраинных улиц «скорая».

Скажи в прежней жизни кто-нибудь Быстроногому оленю, что ему доведётся искать хлеб насущный на свалке, он бы, наверное, огорчился. Откуда ему тогда было знать, что главный городской мусорник такое же рабочее место, как мастерская по ремонту бытовых холодильников. Только грязнее и менее прибыльное.

Люсьена хоть и считалась беспутной бабёнкой, однако мужикам спуску не давала. В восемь утра кормила остатками разогретого ужина и выводила на выжидательную позицию в то место, где должны опоражняться мусоровозки. Ну и потом следила, чтобы смятые в лепёшку бутылки из-под газировки не оказались в мешках с тряпьем или бумажными обрывками.

Иногда товара набиралось по тонне и больше. В таких случаях негласный шеф бригады Сашок делал вторую ходку на грузовичке, который до того пропитался смрадом, что добропорядочные граждане ещё издали начинали зажимать носы большим и указательным пальцами. Точно так же благоухали и перчатки Сашка.

Впрочем, обитатели лачуги на этот пустык не обращали внимания. Человек ко всему привыкает быстро. И если его

поселить среди райских куц, он со временем перестанет замечать их божественное совершенство.

Расчёт с бригадой производился по окончании трудового дня. Сашок каждого оделял пачкой сигарет без фильтра, а потом вручал Люсьене торбу с самогоном и едой.

Помимо пропитания, свалка давала одежду, обувь и прочие необходимые для сносного существования вещи. Так, Быстроногий олень уже который месяц кряду пользовался вполне пригодными одноразовыми бритвами. И при этом не забывал мысленно поблагодарить мужика, который аккуратно сложил в пакет три десятка отработанных «Жиллетов».

Собственно, он порой удивлялся расточительности добропорядочных граждан. Неизвестный чудак даже выбросил толстого литья чарки с клеймом стекольных дел мастера на доньшке «Поповь».

Попадались и совершенно новые вещи. Как-то в куче тряпья обнаружилась пара босоножек. Люсьена их примерила, не отходя от кассы, и все с удивлением заметили, какие у беспутной бабёнки изящные ступни.

Случались находки и посущественнее. Восемь дней назад на свалку прибился гражданин с расцарапанной физиономией, но при галстук и в костюме:

– Хотите подзаработать? – спросил, не выходя из чёрного внедорожника.

– Смотря что надо делать, – уклончиво ответила Люсьена, утрамбовывая мешок с макулатурой.

– Моя дура выбросила в мусоропровод блок из-под сигарет «Мальборо». А в нём кое-что для меня ценное... Короче, найдёте – десятая часть ваша.

Доставленную мусоровозкой свежую кучу перешерстили за час. Пусто. Но когда приступили ко второй, послышалось радостное:

– Ба-бу, ба-бу...

– Это то, что ты потерял? – спросила Люсьена, глядя на посыпавшиеся из сигаретного блока доллары.

– Оно самое, голуба... Держи полсотни. Тебе – на помаду, мужикам – на бутылку.

– Слышь, гражданин хороший, – молвила Люсьена, и голос её зазвенел, как тетива половецкого лука. – Мы хотя и отбросы общества, но милостыней не питаемся. Обещал десятую часть – гони её. Иначе...

– Билять! – сказал Бабу, выживая из хлама половинку огнеупорного кирпича. – Билять!..

Оцарапанный попытался было протестовать, но тут же сник. Понял, что лучше потерять малость, чем всё. В том числе, возможно, и голову.

Второй раз за день Люсьена схлестнулась с Сашком. Тот просто ошалел от требования бригады – предоставить недельный отпуск.

– Какие такие отгулы? – вопил Сашок, потрясая смрадными перчатками. – Родина погибает без вторсырья, а они требования выдвигают! Дезертиры трудового фронта, вот кто вы есть! Да и о собственном брюхе подумайте... Я ведь задаром никого харчить не стану!

– То не твоя печаль! – отрезала Люсьена. – Ты лучше завтра свози меня на базар... дельце там одно имеется. И ещё – одолжи палатку, я у тебя в гараже видела... Да не жлобись, вернём в сохранности. А теперь, мужики, слушай мою команду: побриться, патлы я вам сама укорочу, отмыться в ручье и переодеться. После всего переселяемся в рощу на берегу озера. Хоть неделю, но поживём как порядочные люди.

Отмывались в ручье, который змейкой полз по уставленной кустами серебристого лоха пойме. Когда-то эту пойму именовали Долиной любовных признаний. Но составленные из

булыжников письма теперь едва различимы. Всё покрыто репейниковой липучкой и обрывками полиэтиленовых пакетов.

Точно такими же лохмами увешаны стоящие на борту Долины любовных признаний кусты боярышника. Издали они кажутся рождественскими ёлками, но всякий, кто приблизится к ним вплотную, увидит одетых в рубище нищих.

Слава Богу, свалка ещё не добралась до рощи на берегу рукотворного озера. Жаль лишь, что безмятежные деньки промелькнули, словно верстовые столбы за окном поезда. Но ведь недаром же сказано, что ничто не проходит так быстро, как жизнь и отпуск.

Одно утешение – Сашок не поинтересовался, на какие шиши гуляют обитатели лачуги. Проявил деликатность. Хотя, конечно, догадывался, что нашли кошелёк, но это их фарт. О нём в трудовом договоре ни слова.

Но соглашение вскоре пришлось расторгнуть. По ночам в небе над Саур-Могилой зримо раскачивалась огненная зыбка и в ответ на далёкую канонаду кусты серебристого лоха роняли остатки пахучей пыльцы.

Чтобы храп товарищей не мешал слушать канонаду, Быстроногий олень уходил на берег озера, где у самого уреза лежал отполированный задами рыбаков обломок старой вербы. Закуривал сигарету и глядел, как мелкие волны прибывают к увечным ступням огрызок луны.

Однажды, под занавес отпуска, пришла Люсьена, чей залитый вином свитер казался окровавленным. Люсьена присела рядом и тоже стала смотреть на лунный огрызок.

– Ты всё дума горькую думаешь? – спросила.

– Нет, слушаю.

– Соловьёв? Ишь как хулиганят...

– И соловьёв тоже. Но больше – войну. Ползёт, как гадюка в крапиве. Ближе, ближе...

– А стоит пережигать? Нам всё равно недолго землю топтать. Средний срок жизни дятла и бомжа – полтора года. Только первый загинается по причине сотрясения мозга, а второй от водяры. И вообще, Быстроногий олень, наша судьба вроде этого огрызка. Или – детской распашонки.

– В смысле?

– Такая же короткая и такая же обосранная... Ладно, пойдём, накатим по соточке. А потом я тебя согрею. Может, хоть чуток оттаешь.

Не оттаял. А когда на восьмой день вернулись в лачугу под магалебскими вишнями, готов был возненавидеть Люсьену. Устроила дурацкую затею с вылазкой на природу, но не подумала, что жизнь после праздника кажется особо поганой. Хорошо хоть догадалась припрятать пару пузырей водки.

Дрожащими руками утвердили между втоптаннами в почву окурками чарки с клеймом на доньшке «Поповъ»:

– Наливай, боевая подруга!

Закусывали перцами, добывая их через пробоину в боку трехлитровой банки. Поэтому соления и оказались на свалке. Но ничего, они люди не брезгливые, коль нет иной закуски, сгодится и такая. Надо лишь отряхнуть ее от прилипшего стекла.

– Вовремя мы из рощи смотались, – под хруст поедаемых перцев сказал кто-то из рыжебородых братанов. – Слышите, возня в ней...

В роще действительно происходило что-то непонятное. Захлёбывались бензопилы, выжидательно порывивали моторы тяжёлых машин, и всё это сдабривалось щедрым матом:

– Тебе, гадюка семибатюшная... где приказано рыть под блиндажи? А тебя... мать твою... куда занесло? Здесь же под огневые позиции... размечено!..

Возня продолжалась весь световой день, а когда в роще вечернюю зарю сыграли соловьи, обитатели лачуги обнаружи-

ли, что война приблизилась к горным карьерам за околицей. Там, в каменном царстве, густо сыпали автоматные очереди и вставали кособокие дымы. Но то была разминка. Настоящее дело распечатали пролетевшие над свалкой стрелы реактивных снарядов.

И тут же всепотрясающим залпом ответила роща. Раз, второй, третий... Быстроногий олень вначале считал залпы, но потом бросил бесполезное занятие. К тому же рассмешила Люсьена. Заползла под мешки с тряпьем и притихла.

– Люся, – позвал Быстроногий олень, – а кто ещё недавно утверждал, что нам всё равно помирать?

– Нашёл время, – ответила Люсьена и задним ходом выбралась наружу. – Тем более я не говорила, что не хочу жить. И вообще пора отсюда сматываться. А то попадём под раздачу...

Однако Быстроногий олень продолжал сидеть, упёршись спиной в мешки, за которыми с минуты на минуту должен явиться Сашок. Отрешённо наблюдал, как народ собирается в путь-дорожку.

Правда, особо собирать-то и нечего. Это добропорядочный гражданин, пакуя пожитки, семью потоми изойдёт. А бездомный подобен шару степного растения перекаати-поле с оборванной пуповиной. Всегда налегке. И уж где проляжет его дорога, так это одному ветру известно.

– Тебе что, особое приглашение требуется? – спросила Люсьена.

– Пережду заварушку здесь. Да и Сашке кто-то пособить должен.

Ушли. Мимо одетых в рубище кустов боярышника, мимо скатывающейся к ручью тропинки. И никто не оглянулся. Наверное, городская свалка не то место, с которым прощаются. Взмахом руки, тем более – протяжным взглядом.

– Куда остальные подевались? – удивился Сашок.

– Откочевали в более спокойные места, – объяснил Быстроногий олень.

– Я на время, наверное, тоже сверну производство. Держи торбу с харчами и прощевай. Я не мать Тереза, даром кормить не намерен. Но если цветной металлолом надыбаешь, сговоримся.

Другой бы затосковал, оставшись наедине с ворохами мусора и одетыми в рубище кустами боярышника. Но ведь не напрасно Люсьена сказала, что у него душа отшельника. Послушав ещё чуток автоматную перебранку, добыл из ущербной банки пару солёных перцев, испёк в углях картошек и только после этого наполнил чарку самогоном.

Первую выпил молча. Какой смысл в одиночестве произносить заздравные речи. Но после пятой похвалил перцы, печёные картошки и изделия стекольных дел мастера Попова.

Станным, наверное, казался разговаривающий сам с собой человек у затухающего костерка на свалке. Однако никто не мог увидеть Быстроногого оленя. Добропорядочные граждане позабывались в щели, а Люсьена, Бабу и братаны сейчас, наверное, внемлют пострелушкам с безопасного расстояния.

Он так и уснул у костерка. Но разбудила его не утренняя свежесть, а чудовищной силы гром. Вначале Быстроногому оленю показалось, что приближается гроза, однако на бесцветном, как лицо утопленника, небе не увидел ни единого облачка.

Зато над рощей, где кто-то невидимый крыл матом семибатюшную гадюку, клокотало грязное, в кровоподтёках, варево.

– Действительно, вовремя мы оттуда слиняли, – пробормотал Быстроногий олень, но его не услышали даже мухи. К тому же они были заняты другим, горевали по поводу пропа-

жи парочки рыжих бород, в которых всегда можно пожить-ся вкусненьким.

Только война вроде склочной старухи. Трудно предугадать, в кого она метнёт стрелы свои. Главное – был бы объект, а повод всегда сыщется. Даже если этот объект городская свалка.

К сожалению, наблюдавший за громокипящим варевом Быстроногий олень простую истину понял лишь после того, как очутился лицом в пепле вчерашнего костерка. Оказывается, самая легкая субстанция – воздух – может спрессовываться до твёрдости железобетонной плиты.

Второй снаряд воспламенил траву у спуска в Долину любовных признаний, и сразу же полыхнули увешанные нищенскими лохмотьями кусты боярышника. Ну а потом фугасы обрушились на свалку сплошным камнепадом. Они наизнанку выворачивали созревшие отходы, и к запаху сгоревшей взрывчатки присоседился убойный смрад.

Однако Быстроногий олень попросту присутствовал лишь на первой части светопреставления. Обогнув горящие кусты боярышника, он скатился в Долину любовных признаний и помчался куда глаза глядят.

Впрочем, «помчался» сказано слишком громко. Скрывавшая каменные письма трава оказалась так густо переплетена репьями, что пришлось передвигаться прыжками. И если бы кто увидел сейчас Быстроногого оленя, он бы принял его за странного вида зверя, который спасается от идущих по следу охотничьих собак.

И как дикий зверь ищет спасение среди сородичей, так и он бежал к себе подобным. А всё потому, что случаются такие моменты, когда даже распоследний отшельник, гремя ржавыми веригами, стремится к тем, кого прежде упорно избегал.

Правда, у Быстроногого оленя вместо вериг за подкладкой джинсовой куртки бряцала горсть добытых в мусорных

недрах медяков. Их было немного, от силы – на кружку пива. Однако если обезвоженная гортань требует влаги, человек без сожаления расстанется с последним пятакон.

Перевёл дыхание лишь после того, как миновал вынесенную за городскую околицу больничку. Машинально провёл пальцами по молнии на брюках – всё ли в порядке? Иначе что подумают люди при виде взмыленного чудака с расхристанной шириной?

Впрочем, проверка оказалась излишней. Город замер, словно над ним завис глаз тайфуна. Поэтому Быстроногий олень очень удивился, когда заметил отпёртую дверь врезанной в торец пятиэтажного дома забегаловки «Холодные ноги». Вообще-то, у заведения имелось другое, вполне благозвучное название. Однако как намёк на устраиваемые в забегаловке поминальные обеды закрепились «Холодные ноги». И Быстроногий олень подозревал, что здесь не обошлось без Люсьены, любившей переиначивать всё на свой лад.

Стараясь поменьше привлекать к своей персоне внимания, осторожно проскользнул в открытую дверь забегаловки. Но та была пуста. Если, конечно, сбросить со счетов сидевшего за угловым столиком толстяка в размалёванной под петриковскую живопись безрукавке и буфетчицу с такими дугообразными бровями, что возникала мысль о конной упряжке.

– Кружку пива, – попросил Быстроногий олень и высыпал в стоявшую на прилавке пластиковую тарелку мелочь. – Пожалуйста.

– Добавить надо, – буркнула буфетчица и поглядела так, словно в забегаловку пожаловал бродячий пес.

«А ведь она права, – подумал Быстроногий олень. – Нельзя любить того, кто питается отбросами. Но если я уйду, меня доконает жажда».

– Я добавлю, – молвил толстяк. – Заодно плесни мне ещё кружечку... А ты не торчи, падай рядом. Расскажи, что там на улке.

– Спасибо. Был за городом, там... в одном месте. Вначале с дерьмцом смешали рощу, потом ударили по свалке... Слушай, здесь курить можно?

Толстяк покачал головой и взглядом указал на буфетчицу. Та, прислонившись плечом к дверному косяку, докуривала тонкую сигарету.

– Потом подымим. Ты давай, рассказывай. А то я похмеляюсь здесь с самого открытия...

Однако Быстроногий олень добавить к сказанному не успел. «Холодные ноги» тряхнуло, и что-то стремительное, как стая стрижей, хлестнуло чуть повыше дверного проёма.

– Мужики, – сухим, словно осенний лист, голосом спросила буфетчица, – что это было?

– Осколки, – сказал толстяк. – Мина. Шлёпнись она поближе и... Короче, считай, что в ночной сорочке родилась. А такое не грех и обмыть.

Буфетчица молча добыла из холодильника семисотку «Сибирской», разлила поровну в три пивных кружки и только после этого позвала:

– Подходите, мужики. Разбавим стресс огненной водой. Я угощаю. Да пошевеливайтесь, черти. По случаю войны «Холодные ноги» закрываются.

– Сильная дамочка, – хохотнул толстяк после того, как их выпроводили за дверь. – Приняла на грудь почти двести пятьдесят и бровью не повела.

На покарябанный миной тротуар и осыпи под окнами пятиэтажки взглянул мельком. Похоже, его больше занимала буфетчица с дугообразными бровями, чем причинённые миной разрушения.

– Не в диковинку всё это, – добавил в ответ на удивлённый взгляд Быстроногого оленя. – В Афгане такими «пряниками» кормили полтора года. Ну что, давай прощаться...

– Погоди. Не люблю оставаться в долгу. У меня есть бутылка самогонки, закусь...

– Не, похмелился и – будя. Иначе завтра опять придёт бодун, а за ним, глядишь, и белочка последует. Хотя, ты знаешь, мне сдаётся, что она уже здесь, – указал взглядом на стоящие над крышами домов кособокие дымы и ушёл. Только стеклянное крошево всхлипнуло под тяжёлой поступью.

А Быстроногий олень остался стоять. Меньше всего хотелось возвращаться в лачугу под магалебскими вишнями, но торчать рядом с «Холодными ногами» всё равно, что околачиваться под воротами закрытого на переучёт рая.

Город словно вымер. Ни собачьего брёха, ни скрипа тормозных колодок. Казалось, разорвавшаяся рядом с забегаловкой мина вымела с улиц всё живое.

Так, наверное, и продолжал бы торчать посреди запустения, но напомнил о себе желудок, в котором плескалась гремучая смесь из пива и водки. Да и курево на исходе.

А там, возле лачуги, в торбе целых четыре пачки, бутылка самогона и еда. Всё это – доля Люсьены, Бабу и рыжебородых братанов, однако он как единственный наследник ушедших имел полное право распорядиться имуществом.

Возвращался кружным путём. Через железнодорожный переезд, мимо рощи, где кусты серебристого лоха уже растрясали золотники пахучей пыльцы. Но и здесь держалось всё то же безмолвие. Лишь на опушке рощи повстречался караван бронированных тягачей, которые волокли подбитые гаубицы. Наверное, те самые, которые палили из рощи.

– Далековато вы, однако, собрались? – удивился Быстроногий олень, заведя на броне головного тягача размашистые

буквы «На Киев!». Но потом сообразил, что тягачи принадлежат ополченцам и волокут они трофейные гаубицы.

За рощей, хочешь того или нет, пришлось пересечь Долину любовных признаний, которую сторожили расцветенные полиэтиленовыми лохмотьями, а теперь обугленные кусты боярышника.

Неузнаваемой сделалась и свалка. Уже не грачи, а хлопья сажки кружились над её развороченными внутренностями. Но самое главное – исчезла лачуга и окружавшие по периметру вишни. Теперь на её месте образовалась вмятина, которую запросто можно принять за кабанью лёжку.

Хорошо, что костерок он развел поодаль. И таким образом сохранил остатки имущества. В том числе чарку с клеймом стекольных дел мастера на доньшке.

Почему-то вспомнилась Люсьена. Сортируя вторсырьё, она напевала песенку, содержимое которой состояло из четырёх безответных вопросов: «Куда пойти? Куда податься? Где переспать? Кому отдаться?»

– Нам! – орали в таких случаях братаны, запихивая в мешки сплющенные, чтобы больше влезло, бутылки из-под газировки и пива.

– И в самом деле, некуда податься, – молвил Быстроногий олень, вытирая чарку от прилипшей сажки. – На паперти вакантные места заняты, да и кто подаст, если народ в норки позабывался... Сашок без добычи на порог не пустит... Сходить в рощу и пошарить? Вдруг вояки что-нибудь ценное забыли... Жаль, Бабу нет. Он хоть и дурачок, но фартовый.

Себя таковым не считал. Правда, случались дни, как сегодня, когда чёрные полосы чередуются с белыми. С насиженного места согнала бомбардировка, но в пустом, как штанина инвалида, городе повстречался толстый мужик в

расписной безрукавке, который пригласил за свой столик. Потом расщедрилась буфетчица с дугообразными бровями...

Окончательно в своё везение Быстроногий олень уверовал, когда обнаружил в роще целые россыпи отстрелянных гильз сто двадцать второго калибра и два блиндажа, один из которых сохранился в приличном состоянии. А ещё под кустами измятой жимолости валялась разбросанная амуниция, пакеты с сухпайками и посреди этого сказочного богатства, припав на подпорченное осколками колесо, насадкой возвышалась полевая кухня с полным набором посуды.

И хотя котёл тоже был пробит осколками, гороховое пюре с говяжьей тушёнкой показалось тёплым. Повизгивая от нетерпения, Быстроногий олень навалил полную миску пюре и принялся есть.

Насытившись, закурил и теперь уже неспешным взглядом окинул новые владения. Если в уцелевшем блиндаже сложить печку, то жильем на ближайшее время, включая зиму, он обеспечен. Да и пропитанием тоже. Как ни скуп Сашок, а настоящую цену за гильзы даст. Главное – держать хлебное место в тайне. Отнес пару-тройку гильз, и будь здоров. Жди следующую партию. Если с ножом к горлу пристанет, решил Быстроногий олень, скажу, что у вояк со склада таскаю. Пусть проверит...

Однако предаваться радужным мыслям – значит, рисковать. Стоит пронюхать добытчикам металлолома, они и полевую кухню утащат. Вместе с поварёшками и гороховым пюре в пробитом котле.

Ещё хранящие пороховой перегар гильзы таскал, словно полешки, по три-четыре за ходку. Складывал в блиндаже таким образом, чтобы осталось место для печки. Но с обустройством можно и повременить. Главное – надёжно перепрятать свалившееся на голову богатство.

А так как новое жилище вскоре оказалось заполненным под бревенчатый потолок, часть гильз прикопал в зигзагообразной траншее, предварительно выбросив из неё ломкую от засохшей крови солдатскую куртку, сапёрную лопатку и гранату-лимонку. Поддев лопаткой тряпьё, он зашвырнул его подальше, а гранату сунул в брючной карман:

– Сашок за такой трофеей ведро самогона выставит. А пожлобится, себе оставлю. Мне теперь безоружному никак нельзя.

Мысль о ведре магарыча плавно перетекла к оставленной возле блиндажа торбе. Прежде о выпивке и съестном в лагере не забывали. Всё употреблялось без оглядки на завтрашний день.

– Я же пашу и пашу без передыху, – поразился теперешнему своему поведению Быстроногий олень. – Неужели потому, что стал собственником? И теперь дрожу – не крадутся ли добытки металлолома?.. Кухню бы схоронить, да разве утащишь в одиночку... тяжеленная, зараза.

Прикрыв для верности зигзагообразную траншею ветками, вернулся к оставленной торбе. Первым делом выкурил сигарету, а заодно малость поостыл от трудов тяжких. Потом спустился в свое новое жилище, где остро пахло потревоженной землёй и сгоревшим порохом. Усевшись на нижней ступеньке, наполнил старинную чарку:

– С новосельем!..

Но завершить начатый тост помешали. Хлопнула крышка котла полевой кухни, а затем послышалось одобрительное:

– Здорово ты придумал, Тимоня!

Быстроногий олень в три прыжка вылетел из блиндажа и похолодел от увиденного. Возле кухни, задрав головы, стояли двое подростков. Ещё один, чуток постарше, мочился в открытый котёл с гороховым пюре.

– Ты что творишь? Вот я тебе сейчас уши оборву!

Писавший так резко обернулся, что забрызгал товарищей. Однако, узрев, кто грозитя, продолжил начатое:

– Не видишь, что делаю? Сцу...

– В человеческую еду...

– Уж не ты ли человек? – съехидничал писавший. – Ну так иди и жри. Я как раз твои харчи поперчил...

– Так его, Тимоня, – одобрили дружки. – Может, ещё и врезать ему, а, Тимоня?

– Запросто, – усмехнулся писавший и, приподняв левое плечо к подбородку, скорым шагом двинулся навстречу.

Широкая в угрях переносица, глаза цвета испитого чая. Быстроногий олень хорошо знал этот продукт окраинных улиц. Такой залезет к родимой бабушке в рейтузы за кошельком и не покраснеет. А уж пнуть животину или бомжа – для него сущее удовольствие.

Быстроногий олень ударил первым, метя кулаком в угреватую переносицу. Ударил исключительно для того, чтобы выиграть пару-тройку секунд и занять выгодную позицию.

Теперь, когда за спиной полевая кухня, у него появился шанс устоять против троих. Если нет должной опоры, а ноги с отморозенными напрочь пальцами таковыми не являются, надо иметь прикрытый тыл.

Однако троица, перед тем как броситься в рукопашную, решила произвести артиллерийскую подготовку. Издали швыряли всё, что попадётся под руки. Комья земли, сучья.

Поначалу удавалось увёртываться, но после того как Тимоня приволок в подоле грязноватой футболки камни размером с детский кулак, понял, что долго не продержаться.

И тогда сделал то, что остаётся загнанному в угол человеку. Выдернув кольцо, Быстроногий олень взмахнул гранатой:

– Молитесь, отморозки!

Быстроногий олень почти ничего не смыслил в военном деле. Лишь слышал от братанов, что осколки ф-1 разлетаются на десятки метров и что боёк воспламеняет капсюль через шесть секунд.

Полторы секунды уже прошли. И времени осталось ровно столько, сколько едва хватит для того, чтобы подальше отшвырнуть гранату и вдавить собственные мослы в землю.

И хотя почва вокруг полевой кухни была утрамбована до железобетонной твёрдости, Быстроногого оленя остановило другое. Он увидел глаза троицы. Полные предчувствия смерти глаза. И понял, что перед ним такие же, как и он, горемыки. С той лишь разницей, что он сполна хлебнул дерьмеца, а парнишки только пригубили из грязной чашки, имя которой – жизнь.

Поэтому гранату метнул не вперед, а за спину:

– Ложись! – подал команду и сам пригнулся за полевой кухней.

Всё-таки он опередил на долю секунды безжалостно ползший по направлению к капсюлю боёк. Несущие погибель осколки вновь приняла на себя полевая кухня. И только один отыскал более подходящую цель – человеческую плоть.

Пока Быстроногий олень приходил в себя и перетягивал ногу ремнём, троица испарилась. Но, странное дело, он не злился на подростков. Давала знать о себе боль в голени и тех местах, куда попали камни, а вот злость исчезла.

Если человека долго пинать, у него теряет чувствительность не только зад, но и всё остальное. И потом, в его положении думают не об обидах, а о том, как спасти собственную шкуру. Иначе ею займутся бродячие псы.

Вопрос в другом – каким образом спастись эту собственную шкуру? Роща уже не та, довоенная, с кустиками серебристого лоха на берегу озера, в которой плескался лунный

огрызок. Везде воронки, орудийные дворики, сбитые осколками сучья. Попробуй, одолей всё это с перебитой пониже колена конечностью.

Через каждые десять-пятнадцать метров Быстроногий олень отдыхал, уткнувшись лицом в траву, которая, как и всё живое вокруг, приходила в себя после бомбардировки. И попутно прислушивался: не подаст ли заунывный голос «скорая»? Почему-то продолжал верить, что она приехала по его душу.

– Господи, – взмолился Быстроногий олень, – ведь должны же подростки кому-нибудь рассказать о случившемся... Нет, не расскажут, побоятся. Вот если бы о его беде узнала Люсьена...

И здесь Быстроногий олень поймал себя на том, что с теплотой вспоминает Люсьену, ласкового дурачка Бабу, рыжебородых братанов. Хоть у тебя и душа отшельника, но бывают такие минуты, когда ты готов отдать даже вновь приобретённое богатство ради того, чтобы вернуть тех, с кем закусывал солёными перцами из разбитой банки.

Вновь подала голос «скорая». На этот раз почти рядом с опушкой.

– Здесь я! Здесь! – дважды подряд крикнул Быстроногий олень и пополз, сильно смахивая на подранка, который пытается скрыться от идущих по следу охотничьих псов.

Однако «скорая» опять затерялась в путанице окраинных улиц. Похоже, Быстроногий олень оказался прав, когда сказал, что сейчас худо не только ему. Да и кому может быть хорошо там, куда пришла война.

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

г. Белгород

* * *

До войны километров сорок.
Сводки с места боёв тревожны.
Снова дымом объят посёлок –
В дом попали. Да сколько ж можно?!

Запустили в ответ ракеты.
– Огоньки полетели, папа!
– Это, дочка, спешат кометы
К той Медведице, косолапой.

– Папа, папочка, вертолётты!
Раз, два, три... насчитала восемьь.
– Папа, папочка, самолёты
Над макушками наших сосен.

– Это, доченька...
– Пап, не надо.
Я большая, мне скоро девять.
– Дочка, может быть, шоколада?
– Папа, лучше скажи, что делать?

До войны километров сорок.
Безопасного места нету.
– Папа, что это? Взрыв... осколок...
Ночь. Медведица. Хвост кометы.

10 сентября 2022 г.

* * *

Засвистели свирепые ветры
Над моею великой страной.
До войны не года – километры,
И её не пройти стороной.

Снова нам уготовано свыше
Встать за русские земли стеной.
Я порою отчётливо слышу,
Будто молится кто за спиной.

Отгоняю от сердца тревогу,
Обернуться на голос боюсь.
Вдруг увижу, как молится Богу
На колени припавшая Русь.

15 октября 2022 г.

ИСПОВЕДЬ ПОТОМКА

Войну нельзя направить по течению,
Она – круги от гальки на воде.
Приехал я на кладбище в деревню
Поведать деду о большой беде.

Смотрел ему в глаза, а сердце с болью
Кольнуло в грудь, не зная как сказать.
Я пыль с его лица смахнул ладонью,
Пытаясь слёзы горькие сдержать.

Внезапный крик кукушки, будто плетью,
Разрезал воздух, душу теребя.
Мой дед погиб в далёком сорок третьем,
Припав к траве на склоне октября.

Был лютый бой, сродни свирепой буре.
Текли дожди свинцовые с небес.
Он в этот раз не смог уйти от пули,
Шагнув своей судьбе наперерез.

Он, как и все в то время, жил мечтою,
Что будет мир однажды на земле.
В тот страшный день он всю страну собою
Прикрыл, чтоб в ней жилось спокойно мне.

И я стоял пред ним, сказать не смея
О том, что враг его опять в строю.
Что брызжет яд с клыков зловещих змея,
Уничтожая Родину мою.

Что снова свишут пули, как когда-то.
Горят в лазурном море корабли...
И только мы, потомки, виноваты,
Что ту мечту его не сберегли.

20 июля 2022 г.

КАК НЕ ПИСАТЬ, КОГДА ВОЙНА ИДЁТ?

Дрожит земля, когда Пион¹ цветёт,
Полёт Грачей² – не к летнему веселью.
Как не писать, когда война идёт
Не где-то там, а за парадной дверью?

Не хватит мне исписанных страниц
Сдержать порыв, манящий пулю к плоти.
Как мне стерпеть все стоны из больниц
И сил придать штурмующей пехоте?

Вот эхо снова материнский крик
Несёт в руках, не смея их ослабить.
Ах, сколько надо взять Варшав и Риг,
Чтоб мир решил в покое нас оставить?

Вы слышите, глупцы? – ревёт медведь
И когти точит о стволы историй.
Он к вам придёт! И не удастся впредь
Прогнать его с исконных территорий!

01 августа 2022 г.

---

¹ Пион – 203-мм самоходная пушка 2С7.

² Грач – штурмовой самолёт СУ-25.

РАЗГОВОР С РОССИЕЙ

Я не вправе Россию за что-то винить,
Для неё что ни день – испытания.
У какого креста мне колени склонить,
Чтоб её прекратились страдания?

Что у Господа мне для неё попросить
В час, когда моя жизнь обесточит?
Прошептала она: «Пусть Он сможет простить
Тех, кто смерть мне веками пророчит».

12 марта 2022 г.

ЮРИЙ САВЧЕНКО

с. Таволжанка Белгородской обл.

ДОНБАСС

Разрывы то реже, то чаще.
У линии жарко сейчас.
Смятение музы молчащей
В предутренний сумрачный час.

Участие вытянет слово,
Бессилье утянет назад.
Война – это страшно и ново.
«Обычно...» – как здесь говорят.

Но скулы Донецкого кряжа,
Глаза фронтовых городов
Ту твёрдую правду расскажут,
Что видеть не всякий готов,

Что дети разбитого дома
Разносят без слёз по сердцам,
Что стрежень живого разлома
Уже не затянется сам.

Март 2019 г., Горловка

* * *

Как молоком, полна туманом Крынка¹,
И новый месяц молодцом стоит.
А под окном, с собакою в обнимку,
На звёзды смотрит мальчик-инвалид.

Здесь тихо. Откатилась канонада,
И боль в пустом остыла рукаве...
Но не остыли в сердце зуд снаряда
И – плетью – дробь железа по листве.

В тот миг, оглохнув, тишина звенела,
Ещё не понимая ничего,
И степь цвела до самого предела...
Как вдруг приблизилось её родство!

Как вспыхнуло, как обожгло впервые
То кровное, о чём он лишь читал:
Кыпчакский клич, и полчища Батыя,
Извечных битв неистовый накал!

Душа калеки, молча вырастая, –
Так нужно, так бывает иногда, –
Пусть станет сутью, сердцевиной Края,
Основой духа, силы и труда.

Ушёл туман, и звёзд полна Криница.
Их вечный чистый свет в краю родном,
Как оберег, пускай мальчишке снится,
Пусть верный пёс не дремлет под окном!..

---

¹ Река с истоком под г. Дебальцево на Донбассе; приток Миуса.

* * *

Всесовершенный чудодей
Сильней поверить не заставит,
Чем воля сомкнутых людей,
Что волей Божьей вырастает.

Её прессуют в антрацит
И перемалывают в порох.
Донбасс, конечно, победит,
Раз это пишут на заборах.

Март 2019 г., Харцызск

* * *

Облако низкое по́ небу катится.
Пушки готовые в ряд.
Хлопнула форточка, дрогнула матица,
Канет, неслышен, снаряд.

Ночью подымешься – огненным маревом
Юг озарился вдали:
Склады военные рвутся под Харьковом, –
Зброя скаженной земли.

Веришь ли, слышишь, – она разверзается,
Нечистью всклень тяжела.
Силища русская, стремя да палица,
Тесные рвёт удила.

Сжата кругом, распрямилась, горячая, –
К чёрту химер рубежи!

Засуетилась округа собачая,
Лаает вожак, подвывают подьячие, –
Что нам за дело, скажи?..

ГОРЛОВКА

Опять сухой зюйд-ост
От знойного «Стирола»
К нам аромат принёс
Тошнотного рассола.

Кислотный выхлоп крут,
Аж горло каменеет, –
Неумолим, как жгут,
Затянутый на шее...

Когда бы знать тогда,
В конце семидесятых,
Что, в общем, та беда
Почти не виновата

В сравненье со страдой,
Уже принёсшей тыщи
На свой алтарь, седой
От горя пепелища.

Там каменеет твердь,
Когда стволы орудий
Разбрасывают смерть
Поверх взметённой ртути².

---

² Земля заражена киноварной пылью в районах ртутных карьеров.

О ВСЕХ НАС

Выше звука скользит самолёт,
Сокол мира над нами над всеми.
А кукушка не перестаёт
Заклинать равнодушное время.

Бьют «катюши», шурша, за грядой,
Гасят градом безумное пламя.
А кукушка считалкой простой
Знай колдует над всеми над нами.

Всё минует – и снова придёт
В неучтённом, неузнанном свете.
Лишь кукушка всё ниже свой счёт,
Всё за нас за незрячих в ответе...

* * *

Война войной, а листьями
Позолочён лесок,
Что шелухой смолистою
Усеял наш порог.

С проснувшейся песнею
Летят из-под земли
На жимолость апрельскую
Голодные шмели.

За правду бьются воины,
А эти баюны
Черешнею опоены
И вишнею пьяны, –

А те не знают, пенные,
У пиршества в плену,
Что смотрит вся Вселенная
На Русскую весну.

* * *

Мы не кончимся, Мамонты-скифы!
На нетленных, как мифы, костях
Возмужают иные калифы,
Отряхнув безысходности прах, –

Чтобы, смерть принимая живыми
В страшных сечах меж двух полюсов,
Оправдать волхвованное Имя
Покрестившего Ветхий Покров;

Чтобы, во исполнение Слова,
Внуки Велеса сели опять
Под крылатую сенью Покрова
Вековую судьбу вековать.

90-е г.г.

НИКОЛАЙ ЛУТЮК

г. Белгород

НИКИТА

Рассказ

Слегка продолговатое, побитое оспинами лицо с длинным шрамом на правой щеке, покрытое седой щетиной, вдруг озарилось улыбкой, человек с широкой орденской планкой на пиджаке вздрогнул и, открыв глаза, с удивлением огляделся. Где я? Почему в вагоне? Фу ты, я еду в военный госпиталь Бурденко к сыну Никите, раненному при выполнении боевой задачи, когда освобождали от украинских националистов и иностранных наёмников Мариуполь.

Никита Мальцев был неужёного характера, гитара, ночные посиделки с друзьями, отличник учёбы в Политехническом университете Москвы, чёрный пояс по каратэ, член сборной университета по волейболу. Но грянула беда на Донбассе.

– Па, мамочка, я решил ехать добровольцем, воевать за наш народ на Донбассе.

– Никита! – вскрикнула мама, опускаясь на стул, – что ты, сынок, надумал?! Там война, там убивают!

– Знаю, – уверенно ответил сын, – я поеду воевать за нашу свободу, за Россию.

Отец молча смотрел на сына, ему показалось, что его Никита в мгновение повзрослел, в тёмно-серых глазах блеснул огонёк, ссутулившиеся плечи распрямились, голос, всегда угодливый маме, зазвенел мужским баритоном, подумал, так и не заметили, как вырос сын.

– Па, ты же во время службы воевал на Кавказе, был ранен, прошёл госпиталя. Ты тогда шутил – так надо, Отечество

в опасности. Сегодня Запад, подстрекаемый Америкой, создал из нашего доброго соседа – Украины – враждебное государство. Ма, ты слышала, как они кричат: «москаляку на гилляку» или «хороший москаль – мёртвый москаль», это о нас с вами, мама, конечно, это не весь народ Украины, это отщепенцы, их нужно остановить, пока они не пришли на нашу землю.

– Я понимаю, – вполголоса произнесла с надеждой мама, – но ты же студент, ещё год учиться, закончишь, потом...

В военном комиссариате, куда он обратился, провели к военному комиссару. Полковник внимательно выслушал, поблагодарил за патриотические чувства, а изучив личное дело, поднял глаза на юношу:

– Вы являетесь студентом вуза, учиться ещё год, военной специальностью не обладаете...

– Я обучаюсь на военной кафедре. Отец мой подполковник в отставке, воевал на Кавказе. Я возьму академический отпуск на год и на срочную службу...

– Никита Константинович, воинские части и подразделения, участвующие в специальной военной операции на Украине по освобождению Донбасса от украинских националистов и иностранных наёмников по приказу Верховного главнокомандующего, комплектуются только военнослужащими контрактной службы. Через год вы закончите вуз и военную кафедру, тогда...

– К этому времени спецоперация по освобождению Донбасса и Украины закончится! – Вспылил юноша. – Там воюют мои сверстники, я здоровый, физически подготовленный, чёрный пояс по каратэ...

– Никита Константинович, огромное спасибо за патриотические чувства, полагаю, что вам стоит продолжить учёбу, а воины контрактной службы, как вы сказали, ваши сверстники, с задачей, возложенной на них, справятся. Желаю вам

успешно закончить вуз и военную кафедру, при желании по окончании учёбы можете связать свою жизнь с Вооружёнными силами. – Полковник встал и протянул руку в сторону «несостоявшегося добровольца». – До свидания.

В общежитие идти не хотелось. Бродил по весенней слякотной Москве, всё ему казалось немило, а полковник – «стоит продолжить учёбу», не за этим он приходил. Хотел сесть на скамейку, но она оказалась мокрой, подумал, сегодня не его день.

Третьего дня Никита стоял у ворот учебной базы в одной из республик великой России. Хмурый с окладистой седой бородой пожилой мужчина у калитки, разглядывая ладно скроенного с горящим взглядом юношу, спросил:

– Вы к каму?

– Я хочу записаться в добровольцы ехать воевать на Украину.

– Вы служили в армии?

– Я год проходил обучение на военной кафедре в университете.

– Прахади, – открыл калитку. – Вот в тот дом иди, там всё скажешь.

Отцу позвонил спустя пять дней:

– Папа, я в школе подготовки специалистов...

– Сын, ты всё-таки решил.

– Да, папа. Ты маме как-то объясни. У меня всё хорошо. Обнимаю вас.

Никита вместе со всеми курсантами бегал выматывающие кроссы, лазил в окна на этажи, стрелял из всякого стрелкового оружия, кидал гранаты, учился, как ножом обезвредить противника, а приёмам каратэ обучал сам. По физическим данным, наблюдательности и умению точно поражать цели добровольца определили в снайперы, однако по окончании

учёбы предложили остаться инструктором по физической подготовке и стрельбе из снайперской винтовки.

Его просьба отправить на фронт была удовлетворена, и он, покачиваясь в унисон БМП, цепко держа СВД, рассматривал соседа напротив – своего помощника, с которым сдружился во время месячной подготовки. Ни капли страха в тёмных глазах, а отросшая борода, скрывающая юный возраст, придавала ему солидность и чудный ник «Ёрш». Этот в бою не подведёт, думал Никита.

Боевая машина пехоты, взбрыкивая на рытвинах, оставленных взрывами снарядов и мин среди развалин Мариуполя, несла в своём брюхе вооружённых «до зубов» добровольцев в неведомое.

Никита вспомнил, как инструктор по снайперскому делу, напрягая голосовые связки, напутствовал:

– Разведчик, что стрекоза с её фасеточным зрением, видит вкруговую. Вы должны достичь такого уровня чувства, чтобы затылок, спина, уши и вообще каждая клеточка тела видели, ощущали всё, как есть, тогда вы выживите и победите врага. Выстрел должен быть тщательно подготовлен, выверен и точен. После выстрела – мгновенная смена позиции. На войне всё решают мгновения, замешкался, и тебя уже причислили к лику святых.

БМП резко затормозила. Прозвучала команда:

– К машине! Строимся у левого борта.

Переговариваясь, отделение выстроилось у борта.

– Внимание, движемся группками по три человека, расстояние – семь-десять шагов, первая – справа, вторая – слева по дороге. Всем быть в готовности к бою. В домах прячутся снайперы, в случае выстрела рассредоточиться, укрыться за естественными препятствиями, как вас учили, обнаружив, огнём подавить, а Никите его уничтожить. При обстреле сна-

рядами или минами падать на землю, прикрыв руками голову. Ваша жизнь в ваших руках, так говорят, я думаю, она в вашей башке. Радиосвязь постоянная. Всё! Бисмилляхи р-рахмани р-рахим! – Поднял к небу руки командир отделения Ахмад. – Вперёд!

Дни неслись лихим рысаком. Щетина покрыла лицо, зудело натёртое от приклада после выстрелов плечо, дурно пахло пропахшее потом обмундирование, спёртый полуденный воздух с запахом гари щекотал ноздри, только облезлый приклад эсвэдэшки¹ иногда нежил душу, да успокаивала улыбка второго номера.

Развалины домов Мариуполя, взрывы снарядов и мин, стригущие воздух осколки, визг пуль, падающие или сползающие после выстрела бандиты, двадцать седьмой со времени прибытия.

Сегодня он с Ершом в засаде на втором этаже развалин огромного цеха завода «Азовсталь», до рези в глазах выискивают скрывающихся неонацистов из состава бандформирования «Азов» и наёмников из «партнёрских» стран.

– Никита, смотри небольшой домик справа от разрушенной трубы, – ожил Ёрш, – пулемётчики устраиваются на крыше.

– Понял, – припал к прицелу снайпер, – вижу.

Первый номер расчёта пулемёта удобно устроился, зыркнул в сторону помощника, но сказать ничего не успел, вытянувшись на блестящей от битума крыше. Второй, не поняв, что случилось, дёрнул мёртвое тело и попытался бежать, вдруг выставив руки вперёд, словно упёрся в стену, пошатнулся и упал.

– Отлично! – Вполголоса прокомментировал Ёрш. – Уходим.

---

¹ 7,62 мм Снайперская винтовка Драгунова – СВД.

Бережно подняв винтовку, Никита нырнул вслед за мощником в проём стены, а через несколько минут в подвале они ощутили дрожь стен, посыпалась штукатурка, и услышали приглушённые взрывы. Мальцев, присев на ящик, извлёк из нагрудного кармана разгрузки мини-радиостанцию, включил, услышав голос командира, доложил:

– Ахмад, я Никита, минус два, пулемётчики.

– Понял, работайте.

Перекусили говяжьей тушёнкой с засохшей лепёшкой, запили крепким остывшим кофе.

– Никита, а почему у тебя такой ник? – поинтересовался напарник.

– Отец благодетельствовал, у него друг был на войне с таким ником. А ты как стал Ершом?

– В детстве я был ершистым, никому не уступал, вот и припечатали кликуху на всю оставшуюся жизнь. Отец у меня правильный – директор гимназии, а я – шалопай. Когда я сорвался на войну, он наказал: «Сын, помни, в нашем роду трусов и подлецов не было, коли суждено, так умри с честью, а с позором домой являться не смей». Как думаешь, скоро выбьем клятых «нациков» из Донбасса?

– Выбьем. Погнали на вторую точку.

Поднимаясь по широкой полуразрушенной лестнице, Никита заметил, что там, где они раньше сидели в засаде, обрушена стена, свисает потолочная плита и клубится, оседая, пыль, подумал, неплохие артиллеристы у «укров», зазевайся мгновение, и некому было бы рассуждать. Петля между разрушенных стен и простенков, вышли на присмотренную ранее точку. Опрокинутый стол подняли и подтянули к окну. Никита на нём удобно пристроил винтовку, через прицел оглядел окрестности. Ничего приметного. Ёрш, в бинокль изучая пространство, вдруг প্রশপতাল, словно его могли услышать в какофонии звуков войны:

– Никита, смотри, железнодорожная будка, правее 50, три «духа».

– Вижу, – припал к прицелу снайпер, подумалось: куда спешат? Первый, рослый, упакован в дорожную разгрузку с торчащей на груди мини-радиостанцией, заполненную: ножом, гранатами, пистолетом и запасными магазинами с патронами, в руках укороченная американская винтовка. Смекнул, «гость из-за бугра», приехавший на сафари. Говорили, что тут таких «гостей» предостаточно: англичане, америкосы, поляки, даже цветного окраса. Под разгрузкой бронезилет, даже зад прикрывает, целясь в голову, будет надёжней, – прошептал себе Никита. Перекрестие легло на пошатывающуюся во время бега голову с фотокамерой на макушке, палец привычно надавил на спусковой крючок. «Гость» споткнулся и грохнулся на пыльную землю. Перекрестие СВД легло на лицо другого, пытавшегося завернуть за угол здания, лёгкий толчок в плечо, и «азовец» естественно кругнувшись, медленно сполз вдоль стены. Третий замешкался, оглянулся, очередная пуля нашла и его.

– Быстро уходим! – крикнул снайпер, но выполнить свой приказ не успел. Перед глазами сверкнуло, больно ударило в левое плечо и голову, сдавило грудь, падая, услышал громкий звук и провалился в беспамятство.

– Никита, Никита, ты живой?! – тряс его контуженый Ёрш, размазывая рукой по лицу струящуюся из носа кровь. – Никита, вставай, пошли, – и сам опустился на пыльный пол.

Никита услышал голос:

– Повезло парню. Говорили, что мина разорвалась рядом, десять осколков извлекли, из головы один. Второму больше повезло.

На проходной в военный госпиталь имени Бурденко старший лейтенант, глянув на орденскую колодку с орденом Мужества, спросил:

– Вы к кому?

– Сын мой в травматологическом, Мальцев Никита, простите, Никита.

– Обождите, пожалуйста, – офицер направился в комнату со средствами связи и управления. Через минуту вышел, – разрешите ваш паспорт, – взглянув на фото в паспорте, перевёл взгляд на лицо посетителя:

– Извините, так положено.

– Я также военный, подполковник запаса...

– Я понял по орденской планке и выправке. Проходите, корпус номер три, там вас встретят. Счастливо.

В пути у Константина учащённо забилось сердце. Ну что ты? Ведь жив, только ранен, так ведь и ты прошёл госпиталя, хотя в непогоду ноет правое предплечье.

При входе в двухэтажное здание встретила медицинская сестра:

– Вы к Никите?

– Да.

– Идите за мной. Ваш Никита молодец, уже сам ходит по коридору, просился гулять на улице, но врач пока не разрешает.

У двери с надписью: «Начальник травматологического отделения» медсестра остановилась, постучала и открыла дверь:

– Отец Никиты.

– Проходите, – раздался из глубины кабинета баритон.

Переступив порог, Константин остановился, перед ним стоял в медицинском халате седой моложавый мужчина:

– Орлов Пётр, заведующий отделением, – протянул руку для приветствия. – Валентина Сергеевна, предупредите Никиту, мы позже подойдём.

– Мальцев Константин Алексеевич, – представился гость, пожал протянутую руку. – Здравия желаю.

– Проходите и садитесь.

Когда Константин сел, врач занял своё место.

– Говорить буду, как есть, ваш сын рассказывал, что и вы лечились в госпиталях. Так вот, поступил он тяжёлым. Контузия. Осколок в правой части головы, повезло, застрял в кости. Два осколка в левом плече, осколок в ребре, осколком перебита берцовая кость левой ноги. Большая потеря крови. Доставили с фронта на вертолёте полуживым. Прооперировали, осколки не нарушили жизненно важных органов. Ногу собрали. Память восстановилась, много рассказывал о вас, о маме, о своих фронтовых друзьях. После восстановления двигательных функций просится отпускать на прогулки. Пока он слаб, думаю, что через неделю можно будет и на улицу. Ну, а теперь к пациенту.

– Простите. Я ведь узнал, что сын в госпитале, из телевизора, когда ему заместитель министра обороны вручал орден Мужества. Им что, телефоном пользоваться не разрешают?

– Что вы! – удивился врач. – Многие, чтобы не расстраивать родителей, о ранении или госпитализации скрывают, некоторые бахвалятся, но таких мизер. Никита, ваш сын, воспитан правильно. Я его спрашивал об информировании родителей, он в ответ: «Выздоровею, сам дома появлюсь, а потом на фронт». Он у вас мужественный.

– Спасибо. Он и раньше звонил редко, а как уехал на Донбасс, вообще перестал. Жена поседела. Раньше мы не ходили в церковь, но после того, как сын уехал воевать, жена требовала посещать храм и молиться о здравии сына, желая быстрой победы воинству. Я считал так: если не оповещают о смерти, значит, жив. Я тут гостинцы от мамы сыну привёз, выпечку разную, он очень любит. Можно передать?

– Да, конечно. Пойдёмте.

Переступив порог палаты, отец замер, перед ним стоял, опираясь на костыли, почти седой сын.

– Сынок! Никита! – сделал несколько шагов отец, чтобы обнять сына, но был остановлен врачом.

– Простите, пока обнимать его нельзя.

– Папа! – Из глаз мужественного парня выступили слёзы. – Прости, что не звонил. Как мама? У меня всё нормально, скоро буду бегать. Спасибо Петру Александровичу, моему спасителю. – С благодарностью он склонил голову в сторону заведующего отделением.

– Мама здорова, только поседела. Всё ждала звонка...

– Там была война, пап. Ты же сам был на войне.

– Проходите, садитесь, – указал врач на стул у кровати Никиты, – да и ты не здорово храбрись, садись на кровать. Я с медсестрой пойду, у нас работа.

ВАСИЛИЙ ТОЛСТОУС

г. Макеевка

ТРЕТЬЕ ЛЕТО

«Не пропущу! – сказал солдат сурово. –
Звонит разведка, что «укроп» звереет.
Мы ожидаем ночью много крови:
за тем леском стоит их батарея».

Так что же, говорю ему, нам делать?
На завтра приглашает пенсионный.
Со мной в машине едет пол-отдела,
а в целом нас, наверно, миллионы.

Мы заработали свои копейки,
на них живём, без них подохнем скоро.
«Не пропущу, родные, хоть убейте, –
вздыхнул солдат. – Мы защищаем город.

Вот перебьют вас на нейтралке, в роще –
а нам ползти, ведь мы своих не бросим».
Я оглянулся. Мой родной, хороший, –
Донецк, переходящий мягко в осень,

на горизонте заиграл огнями.
Пенсионеры вышли из машины,
под ветром ёжась налетевшим, пьяным:
он дул с полей, что стали вдруг чужими.

Сказала женщина: «Ну что ж, уедем.
Быть может, снова выберемся утром.
Мы днём и ночью молим о победе,
но и без пенсий невозможно, скрутно».

Мы уезжали с линии контакта.
Путь освещала красная ракета.
Темнела рядом взорванная шахта.
Кончалось третье огненное лето.

* * *

Смушаясь, дети попросили:
«Присядь, попей. Припомни, дед, —
ты был когда-нибудь в России?
Ведь прожил, чай, немало лет.

Скажи: она вообще какая?
Такие ж хаты ли на ней?»
Ответил дед: «В ней нет окраин.
Земель немилых нет, верней.

В ней было место и Донбассу,
и прерий крымских ковылю.
Я понимал всегда и сразу,
что на Дону её люблю,

что я люблю её на Волге,
и на Днепре, и на Неве,
был не чужим в Москве нисколько,
ведь с детства думал о Москве».

«Ну что молчишь? Ты озадачен?
Бывают лучшие края?»
«Я не молчу. Я просто плачу:
Россия – родина моя».

* * *

Снаряды ложатся кучно.
Проснулся, и не до сна.
Не знаю, что делать лучше.
Трезвонит стекло окна.

Жена, чуть дыша, шепнула:
«Я слышу сирены вой.
Болит голова от гула
и лязга по мостовой».

А это куда-то танки –
железные существа –
стремительно спозаранку
направились воевать.

Огни над Ясиноватой,
и там, где аэропорт.
Наверное, виноваты,
что живы мы до сих пор.

Мне кажется, что-то в мире
сложилось не так для нас,
и дышим вдвоём в квартире
как будто в последний раз.

ЕЛИЗАВЕТА ХАПЛАНОВА

г. Макеевка

БУДЕМ ЖИТЬ

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

О жарких боях не дознается мать,
Об этом не скажут невесте.
Служить, так служить! Воевать? – воевать
С достоинством, верой и честью.

Лишь вздрогнет над ним голубой небосвод,
Завидев солдатскую ярость,
Услышав знакомую фразу: «Вперёд!»,
Что в русской крови прописалась.

И в схватке лихой он, мужчина-боец,
Познает свою же породу.
И грудью пойдёт на летящий свинец,
Не знамо ни леса, ни броду.

Но надо дойти. По-другому никак.
Добыть для России победу!
Сквозь дым рукопашных, сквозь ветер атак.
Сквозь память о подвиге дедов.

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

ЖАТВА

Смертоносная жатва осени,
приближающей «Час Быка»...
Все мы нищие, все мы босые.
Но крепки и рука, и строка.

Все мы странники безнадёжные
по дороге в небесный край.
И бредём к Алтарям... безбожные.
А не спрятался, – погибай.

Нам привычно пером и шпагою
выбирать свой дальнейший путь.
Но взлетает Душа – не падает! –
когда пуля достанет грудь.

Все мы держимся эфемерностью,
иллюзорностью бытия...
Только б нам доставало смелости
застилать свою жизнь в поля.

Смертоносная жатва осени...
Надо выдержать новый бой.
Под наркозом ли... под колёсами...
не раздавлены под пятой.

И не каменные, не свинцовые,
не металлом влитые в жизнь, –
Будут розы цвести – садовые!
Словно символ: «Донбасс, держись!».

Сколько жатва ещё протянется? –
Всё мы выдюжим, вот те крест!
Не бывало, чтоб Каин каялся.
Но распятый-то Сын воскрес...

«Час Быка» невозврата точкою
отмечает ладони нить.
Но Донбасса сыны и дочери –
вот те истина! – будут жить.

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

Ты – эпоха и мессия,
Я – печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно иву у реки,

Словно длань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флягу – для солдата,
И для путника – ручей.

Окорми стихом Завета,
Дай пройти твой пыльный путь.
Я тебе за всё за это
Пригожусь когда-нибудь.

И прикрою грудью верной,
И вдохну вторую жизнь.
Стану над твоим рассветом
Будни светлые вершить.

Ну а если оборвётся
На тебе моя строка,
Небу русскому всплакнётся, —
И наполнится река...

Не ищу судьбы красивой, —
Век мой странный и благий.
Сбереги меня, Россия...
Для себя же сбереги.

АНН ШЕМАХОВА

г. Горловка

* * *

Я – Россия.
Я – мать.
Для своих сыновей
Не жалела я золота чистых полей,
Не жалела небес голубой вышины,
Не желала войны.

Я – Россия.
Я – мать.
Мои дети в крови.
Вновь рождается ад среди спелой травы.
С неба сыплет огонь, я кричу, но терплю.
Я прощаю, я верю, я жду, я люблю.

Я – Россия.
Я – мать.
Моё сердце в крови.
С неба сыплет огонь,
В ряд стоят упыри.
Кто поможет тебе? –
Злобный хохот вокруг...

Я – Россия.
Я – мать.
Вот мои сыновья.
Устоять им поможет родная земля.
Кто за пазухой носит не камень, а горсть,
И чьё сердце всей силою с правдойросло.

АНДРЕЙ НОВИКОВ

г. Луцек

КОГДА БЕССИЛЕН ТЕРАПЕВТ, ЗОВУТ ХИРУРГА

Очерк

Сегодня Украина в огне, но огонь этот очистительный. Восемь лет назад сразу, как Крым, и без единого выстрела освободить Донбасс не удалось, но все эти восемь лет мы продолжали верить и произносить священные слова «Своих не бросаем!».

О ситуации на Донбассе знаю не понаслышке, бывал в Луганске, Дебальцево, Углегорске, Снежном, Донецке и Горловке в 2017 году, доставляя их жителям гуманитарную помощь, в том числе книги на русском языке, которых из-за политики киевской власти в местных библиотеках практически не было. Дорога из Луганска на Донецк пролегла через знаменитый на весь мир, практически разрушенный Дебальцево. Она запомнилась несколькими блокпостами, которые в зависимости от атак украинской артиллерии меняли нам направление движения, и порой приходилось ехать снежным полем. Поразил разбитый снарядами мост у Ясиноватой, превращенные в решето жилые дома в Углегорске.

Первое, что бросилось в глаза, так это разрушение западного мифа о том, что держатся Донецк и Луганск за счёт российской армии. Проехав весь Донбасс, мы не встретили ни одного нашего танка, ни одного российского солдата, только ополченцев, в руках у них были «калашниковы», самые «молодые» 1974 года выпуска, и ППШ, с которыми воевали ещё в Великую Отечественную войну против фашистов, а теперь пришлось воевать и с укрофашистами. Всё это были трофеи, захваченные ополченцами на украинских военных складах.

Как нам рассказали в Луганске, именно этот миф о российском присутствии и спас Луганск в самые напряжённые дни 2014 года. Тогда всё ополчение Луганска состояло из 150 человек. Бесчинствовавшие в городе националисты захватывали даже автомобили скорой помощи и прямо из них стреляли по мирным жителям.

На подъезде к Луганску увидел плакаты «Спасибо за помощь, Россия!». Столица ЛНР буквально светилась чистым снежным утром, только многие здания сохраняли следы войны, следы снарядов и пуль на фасадах. Конечно, жители Луганска успели что-то сделать – восстановить здание цирка, отремонтировать здание правительства, стену которого разрушил украинский бомбардировщик.

На момент моей поездки в том, 2017 году, за время войны в Луганске было разрушено 2 тысячи частных домов, 165 многоэтажных, пострадало много общественных зданий и были уничтожены практически все предприятия городского хозяйства. А сколько разрушений было в дальнейшем и сколько их в нынешние трагические дни, подсчитать будет непросто! В 2014 году несколько месяцев в Луганске не было света и воды. А ведь это были мирные люди, в большинстве своём – русские, которые хотели только одного – чтобы украинская власть их услышала. Но она слышала их своеобразно, в силу бесовского ума *свидомых*, не опуская оптического прицела. На всём пути я часто встречал множество мест с памятными крестами и живыми цветами.

Эхо войны и тогда давало о себе знать, Луганск, как и весь Донбасс, находился в блокаде, в городе были маленькие зарплаты и пенсии, но работал городской транспорт, зимние улицы хорошо вычищены, город выглядел достойно и опрятно, возвращались и беженцы. Российский рубль здесь уже тогда стал основной валютой. Особенно поразил большой плакат

перед Домом правительства с символичной надписью «Луганск – русский город». Поразил и стоящий на постаменте танк, английский допотопный МК времён ещё Первой мировой войны, который ополченцы сумели завести и тоже использовали, отражая атаки вооружённых до зубов украинских боевиков. Тогда, исключительно за счёт мужества ополченцев, без российских войск, смогли удержать своё право на жизнь. Но все эти года, как теперь оказалось, украинская армия рыла новые окопы и концентрировала войска. Они готовились к новому удару, российская армия опередила их всего лишь на несколько часов.

События в Луганске лучше всего рассказали мне о силе русского слова. В те дни в городе не работали все учреждения, кроме областной библиотеки им. М. Горького, у которой рядом снесло фасад! Но она работала, слава Богу, здание оказалось крепким, построенным в советские времена, а жители, выходя из подвалов в редкие часы затишья, тянулись за русскими книгами. Украинская армия разрушила в городе все вышки сотовой связи. Только здесь я понял, что никаких электронных книг на самом деле нет. Разрушили связь, отрубил свет, и всё, нет никаких электронных книг, а есть в мире только печатные. Удивительно, но самой востребованной для читателей этого военного времени стала ещё советская «Роман-газета»! А ведь накануне войны луганские библиотекари хотели списать её из фондов, посчитав уже не востребованной... Всё это в те дни стало ещё более актуальным, поскольку на Украине был принят скандальный закон о запрете русского языка.

Было точное ощущение, что Украина, показав своё бессилие перед историческим выбором крымчан, пытается выместить всю свою злобу и ненависть на Донецке и Луганске. Об этом я сказал в передаче на телеканале «Луганск24», сказал честно и правдиво, а когда через несколько дней вернулся домой, обнаружил в электронной почте необычное письмо – уве-

домление из Украины о возбуждении против меня уголовного дела за призывы к нарушению территориальной целостности *незалежной*.

Мне было тогда ещё понятно, что ситуация на Донбассе перезрела и требовала срочного оперативного вмешательства. Когда терапевт бессилен для спасения жизни, приглашают хирурга. Потому и очевидно, что сейчас меры по спасению как русских, так и украинцев от националистических формирований выполняют российские войска.

Сегодня россияне в своих тёплых квартирах под мирным небом не представляют, в каких условиях приходилось выживать гражданам ДНР и ЛНР. Сёла и жилые кварталы городов обстреливались постоянно все восемь лет после госпереворота в Киеве. Со стороны окружавших донбасские республики националистических группировок огонь вёлся и днём, и ночью, когда бандеровцам просто хотелось пострелять. В итоге среди мирных жителей было много погибших и раненых. В том числе женщин, детей, стариков.

В 2017-м мы привезли в Горловку детскую литературу. Город обстреливали каждый день, было много следов разрушений, домов с заклеенными крест-накрест стёклами. Жители рассказывали, что при интенсивных обстрелах уходили, прятались у соседей и знакомых целыми кварталами. Все дороги в городе были обезображены воронками и осколками. Во дворе жилого дома видел огромный, торчащий из земли хвост ракеты, на который уже привыкшие к войне жители просто не обращали внимания. Когда наша машина отъехала от библиотеки, на месте её стоянки у входа разорвалась мина. Со смертью нас разлучили буквально несколько минут.

Днём ранее обстрел нас практически накрыл на окраине Дебальцево. На блокпостах нам говорили, что в автомобиле нельзя пристёгиваться, чтобы быстрее выскочить из него в экс-

тренном случае, обязательно отключать телефоны – бандеровцы пеленговали российские номера и по ним корректировали обстрел – и не останавливаться на обочинах дорог – украинские диверсанты ставили мины.

В Донецке я посетил школы, интернаты, Дом работников культуры и юридическую академию, Дом правительства Донецкой республики, везде слышал горькие рассказы о повседневной жизни в состоянии войны, горькие рассказы о погибших детях и родственниках и везде оставлял в подарок детскую литературу, журналы и книги. Встречался с представителями творческой интеллигенции Донецка в Республиканской библиотеке им. Крупской. И везде были рассказы о невыносимой боли и горе терзаемого войной Донбасса.

Как очевидец тех трагических событий, проехавший огненными дорогами Донбасса почти три тысячи километров, как никто другой убеждён в правильности поставленной Владимиром Путиным задачи не только по денацификации, но и по демилитаризации соседнего государства. Если уничтожить лишь профашистские нацбаты и сохранить военные базы за пределами Восточной Украины, ничего не изменится. Страна напичкана современным западным вооружением, направленным не только против Донбасса, но и против Крыма, других регионов России. Поэтому соседнее с нами государство должно не просто отказаться от неонацистской политики, но и стать мирным. Не помышлять о вступлении в НАТО, прекратить бряцать оружием и провоцировать конфликты.

Болею за это всем сердцем, ибо среди литераторов Украины у меня очень много друзей, пишущих как на русском, так и на украинском языках. С ними я общаюсь до сих пор, поддерживал, как мог, понимая, что все они мечтают о скорейшем мире. Даст Бог, Россия доведёт до конца начатое восемь лет назад в марте 2014 года и ради русских, и ради украинцев. Иного варианта нет.

Рисунок худ. Ильи Пожарова.

ВИТАЛИЙ ВОЛОБУЕВ

г. Белгород

РУССКОЕ ВОИНСТВО

В русских былинах,
В песнях воспето
Русское воинство,
Воинство света.

Русских святых
И солдата заслуга –
Русское воинство,
Воинство духа.

Братство народов
Собрано вместе –
Русское воинство,
Воинство чести.

Преданно служит
Древней Отчизне
Русское воинство,
Воинство жизни.

Пусть прославляет
Русская лира
Русское воинство,
Воинство мира.

2022 г.

НИКОЛАЙ ШМЫРЁВ

г. Тамбов

* * *

В ночи я слушал «Лунную сонату» –
Покой, величественность, грусть...
Как реквием погибшему солдату,
Сказавшему в порыве: «Я вернусь!»

Он не вернулся, он нарушил слово,
Но нам его за это не судить.
В атаку шёл под знаменем багровым
С последней мыслью: «Только победить!»

Не добежав до вражеских позиций,
Упал в траву, сжимая автомат.
Он матери ночами будет сниться,
Защитник Родины моей, герой-солдат.

Орган затих. Но «Лунная соната»
Во мне звучала, отгоняя сон,
Как гимн не возвратившимся солдатам,
Навечно занесённым в пантеон.

СЕРГЕЙ КОЧУКОВ

г. Тамбов

О ГЕРОЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Очерки

ЗА СЕРЁГУ ПОПОВА!..

Еду в давно полюбившееся и близкое мне село. Когда-то, более двухсот лет назад, его основала переселившаяся сюда часть жителей Беломестной слободы Лысых Гор, оттого и название соответствующее – Беломестная Двойня. Сегодня оно встречало меня гололёдом, унылым серым небом, колючим ветром и абсолютным безлюдьем на улицах. Под стать погоде и на душе не отпускающая тревога и жёсткие вопросы: «А вовремя ли я?», «А нужны ли кому-то сейчас мои разговоры, расспросы?», «До гостей ли сейчас?». Ведь ехал я в дом, куда пришла беда и где на веки вечные поселилось горе. Я ехал к родителям погибшего в ходе спецоперации парня.

Поповы встретили хорошо (отлегло от сердца), показали добротный дом, немалое по нынешним временам хозяйство, где и трактора, и коровы, и лошадь, другая живность, а для души – красавцы-голуби. Был чай ароматный и беседа неторопливая, и семейная летопись в многочисленных фотографиях. Я всматривался в лица Николая Александровича и Ольги Петровны, по сути, совсем ещё молодых людей, и не мог не подивиться их мужеству, их умению оставаться добрыми, не зачерстветь, не отгородиться от всех и вся после гибели сына.

Постепенно складывалась мозаика жизни Сергея Попова, обычного русского парня из села в Притамбовье. Жизнь

короткая, будто звезды погасшей полёт, а в то же время по-своему яркая и неповторимая. Жизнь, отданная «за други своя и Отечество».

Сергей Попов родился в Беломестной Двойне в 2001-м, учился в местной школе. Слыл любознательным, учёба давалась легко. К примеру, заданное стихотворение заучивал наизусть, пока возвращался из школы домой. Больше всего ценил дружбу, помочь товарищу всегда считал главным долгом. Класс был по-настоящему сплочённым, свою привязанность и добрые отношения они бережно хранили и после окончания школы. В классе из шести мальчиков четверо носили имя Сергей. Его доброту, отзывчивость отмечают его первая учительница Зоя Ивановна Лёвина и классный руководитель Наталия Викторовна Ханина. А ещё они рассказали, что, пожалуй, не было ни одного школьного мероприятия, где Сергей не был бы участником, а чаще всего заводилой, будь то посадка деревьев будущего парка Победы в селе или организация самодеятельного концерта. А его учитель физкультуры и ОБЖ Кочуков Виктор Николаевич добавляет, что и спортсменом он был отменным, редко возвращался с соревнований по волейболу, футболу, лыжным гонкам без призов и наград. На школьных парадах и линейках он знаменосец, а в играх «Зарница», «Поиск» – бессменный капитан. А ещё это обострённое чувство справедливости. Очень часто от него можно было услышать: «...так не честно...». Дальше можно было не сомневаться, он обязательно добьётся, чтобы было по-честному, по справедливости.

С раннего детства Сергея тянуло к технике, не без участия отца формировалась не только любовь к моторам, но и практические навыки. Подростком чинил друзьям мопеды и мотоциклы, а старшекласником уже регулировал клапана на машинах деревенских автолюбителей. Потому и выбор для

продолжения учёбы в Тамбовском автотранспортном техникуме имени Солнцева не случаен.

Учился хорошо, к освоению будущей специальности подходил ответственно. Именно в семье, школе, а позднее в техникуме формировался характер парня, его жизненные приоритеты и ценности, основательно, но без лишних слов и показухи, складывалось чувство долга, любви к своей Родине. Не могло не сложиться. На пустом месте, из ничего такое не складывается, да и героями не рождаются. В доме всегда жила и сегодня продолжает жить память о прадедах Сергея: Алексее Рязанове, сапёре в Великую Отечественную, умершем от ран после войны в 21 год, о пропавшем без вести его брате Николае Фёдоровиче, о Попове Даниле Фёдоровиче, освобождавшем Варшаву, и лихом кавалеристе Рязанове Фёдоре Петровиче, прошедшем дорогами войны от Москвы до Берлина. Со школьных стендов на него смотрели его односельчане, прошедшие Афганистан и Северный Кавказ, в том числе и не вернувшиеся с этих войн. Про техникум и говорить не приходится – из его стен вышло шесть Героев Советского Союза. Примеры истинного служения Родине всегда были рядом.

Служить срочную довелось водителем БТР в танковой бригаде в Новгородской области, а через год 3 февраля он пишет рапорт на службу по контракту. Что подвигло его на этот шаг? Вряд ли мы найдём сейчас ответ. А ведь он наверняка знал, что война не за горами, а боевые действия в ДНР и ЛНР шли уже не первый год, и наше в них участие ни для кого не было секретом. Через 20 дней было объявлено о начале специальной военной операции.

Непосредственно в боевых действиях он с 20-х чисел июня, воевал под Изюмом. По словам сослуживцев, будучи водителем БТР, оборудованного под передвижную радиостанцию, фактически спас их. После корректировки огня нашей

артиллерии они были засечены противником и попали под шквальный обстрел. Виртуозно управляя машиной, на запретельной скорости Сергей смог избежать прямых попаданий и вырваться из зоны обстрела.

Бои шли непрерывно, и далеко не все удачные для наших войск. Сергей возмужал, и даже на фотографиях того времени выглядит гораздо старше своего возраста. И в душе перемены – в письмах и во время краткосрочного отпуска бережное и трогательное отношение к родителям, неподдельная любовь и внимание к младшим братьям Александру и Ивану, к другим родным и близким. Словно боялся не успеть, недолюбить, собственным теплом не одарить.

С началом сентября под Изюмом было особенно жарко. Мы вынуждены были отступить. Представилась возможность уехать в Белгород для ремонта повреждённой техники, но он заявил: «...остаюсь с ребятами...».

В бою под Петропавловкой одно из наших подразделений вело отчаянный бой в частичном окружении. Радировали, что боеприпасы на исходе. Командование всё не могло взять на себя ответственность и отдать официальный приказ для оказания им помощи. Окружённые были, по сути, обречены, счёт шел на минуты. Именно тогда рядовой (!) Попов сколотил и возглавил группу добровольцев. Загрузив БТР боеприпасами, они рванули на помощь.

По рассказам очевидцев из числа сумевших позднее вырваться из окружения, всё произошло на их глазах. На мчавшийся к ним БТР обрушился шквальный огонь, и через некоторое время он был подбит. Они видели, как Сергей вытащил из повреждённой машины четверых своих раненых друзей, перенёс их под деревья лесополосы и стал перевязывать. Из множества грохотавших рядом разрывов один разорвался совсем рядом. Никому из пятерых добровольцев выжить не уда-

лось. Так жил, воевал и ушёл из жизни русский парень из При-тамбовья Серёжа Попов. Из наших сердец не уйдёт только, и в памяти не сотрётся. Скоро состоится открытие мемориальной доски на его родной школе, в музее истории транспорта и дорожного хозяйства Тамбовской области в его техникуме экспозиция готовится. Ещё бы улицу Луговую в его родном селе, где родился и вырос, назвать его именем!

P.S. Совсем недавно от сослуживцев из танковой бригады в Беломестную Двойню пришёл видеоролик, в котором самоходка ведёт артиллерийскую дуэль, а на посылаемых снарядах имена и фамилии их погибших друзей. И голос командира: «...За Максима Новикова! Выстрел! За Серёгу Попова! Выстрел!.. Выстрел!..».

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ...

Он уезжал на войну... Что вспоминалось ему, о чём думалось в эти часы и дни, сотканые из непреходящей тревоги, из бесконечных безответных вопросов? Что ждёт завтра? Как встретит земля, где ныне правит бал откровенный нацизм? Как отреагирует Запад, и не станет ли этот конфликт прологом Третьей мировой?.. Где, наконец, его, лично его место в этих событиях? Его – кадрового офицера Российской армии, командира миномётной батареи, капитана Александра Исаева.

Нынче об этом уже не узнать, но вряд ли ошибёмся в предположениях, что больше всего тревожился о родителях: «...матери ни к чему лишние волнения, и без того здоровье неважное..., я люблю тебя, мам, и непременно вернусь, это всего лишь очередная командировка. Бать, ты успокой её, ты же сам 25 календарных отслужил, у тебя тоже в жизни была война, там, на Кавказе. Поясни ей, как-нибудь помягче, что случа-

ются у военных командировки...». Сестрёнка вспомнилась... Оленька! Вечно смешливая, непосредственная и такая родная, успевшая наградить его такими замечательными племянницами. Александр был богат на сестёр. Ещё бы! Помимо Ольги, ещё пятеро двоюродных, практически все его ровесницы. Боже мой, как вдруг вновь захотелось оказаться в этом шумливом девичьем царстве, куда попадал каждый свой приезд в отпуск, где каждый тебе так дорог, где тебя неподдельно любят, тобой гордятся, где ты едва ли не единственный парень.

Школа вспомнилась и детство. Почему непременно боногое? Бегал, конечно, и босиком в родном селе Большая Липовица, но предпочитал в спортивной обуви. Да и школа была на асфальте, 26-я, что на ул. С. Лазо в Тамбове. Мать всегда тревожилась, что ростом не вышел, что сверстники обижать будут. «Нашла, мам, о чём тревожиться. Суворов вон тоже далеко не великан был, а вон каких высот достиг. Пусть только попробуют обидеть, сил не занимать, с детства со спортом дружил, духом тоже крепок. Да и кому обижать, если известно каждому, что Санёк Исаев – душа-парень, последнее отдаст и за своих горой встанет. Не зря за глаза «солнечным парнем» называли. Прости, мам, хвастаюсь немного... Это я так, только наедине сам с собой мыслью делюсь. Скромность, она украшает, конечно, с другой стороны, «из песни слов не выкинешь...».

Тульский артиллерийский инженерный институт вспомнился, привычнее – военное училище. Родное училище, как много добрых воспоминаний ты оставило, с какими друзьями свело. Ещё бы не родное. Если начальник института генерал Алфёров, участник боевых действий в горячих точках, орденносец, сам родом из Большой Липовицы, если только в год поступления в 2004 г. было шесть курсантов из этого села. Чему мог научить такой военачальник, не понаслышке знав-

ший, что такое настоящая война? Довести до них, что войны в белых перчатках не бывает, что грязное это дело, бесчеловечное, раз смерть несёт. Главное на ней – человеком остаться, грязью честь собственную не запятнать. А ещё, что офицер – это и не профессия вовсе, это призвание, образ жизни, образ миропонимания, наконец.

Он уезжал на войну... Впереди ждала неизвестность, а позади? Позади оставалось самое родное, самое близкое, самое светлое. Дорогие сердцу родители, родственники, друзья. Любимая женщина, многолетние отношения с которой узаконил совсем недавно. Именно всех их, весь этот многоликий мир под названием Россия, он уезжал защищать. Кому как не ему, русскому офицеру, давно стало понятно, что вскормленная Западом бандеровская клика не остановится на Донбассе, вон уж и Кубань своей считают, не говоря о Крыме, который никогда им не принадлежал, лишь по злой воле одного недальновидного, заигравшегося политика был «подарен» Украине. Вместе с сослуживцами уже на Донбассе они ужаснутся, что на протяжении многих лет творили здесь нацики, во что превратили цветущий и богатый некогда край, каким издевательствам подвергли живущий здесь народ.

Именно тогда Александр уверовал окончательно, что его место здесь, что здесь он нужнее всего. Не случайно именно тогда он отказался от давно планируемого и выгодного предложения о переводе в родной Тамбов, на не слишком перспективную, зато относительно спокойную должность начальника арттехвооружения войсковой части на тамбовской «Пехотке».

Долго ли довелось воевать? С февраля по сентябрь. Много это или мало? Впрочем, что мы знаем о времени на войне? Только побывавший там понимает, как один день на войне может вместить целый месяц, один бой по своему накалу, страстям и эмоциям – целый год. Если измерить его материн-

скими бессонными ночами, полными слёз и тревожных ожиданий, то покажется оно мучительно бесконечным. Капитан Александр Исаев воевал грамотно, честно, что отмечают его сослуживцы, о чём говорят благодарности от командования, о чём свидетельствовало отсутствие потерь во вверенном ему подразделении.

Вот и в том, последнем бою под Изюмом он надёжно укрыл своих бойцов и технику от вражеских мин и снарядов. Не рассчитал совсем немного, как только артналёт противника прекратился, поспешил выбраться из безопасного укрытия и проверить, все ли его подчинённые целы. Тот снаряд не оказался последним, секундами позже случился ещё один взрыв, оборвавший жизнь нашего героя. Вечная тебе память, капитан Исаев!

«...Есть такая профессия – Родину защищать!...»

ВЫ ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ...

Тяжело писать о таком молодом человеке в прошедшем времени. Это случилось задолго до начала специальной военной операции, в 2015-м. Несмотря ни на какие подписанные соглашения, киевский режим продолжал военные действия на Донбассе. В спасении жителей ДНР и ЛНР принимали участие не только войска этих республик, но и отдельные добровольцы и специальные подразделения из России. В тот раз на территорию, подконтрольную ВСУ, уходила разведгруппа из состава известной в Тамбове бригады, расположенной на улице Бориса Васильева. Какое задание она имела, мы уже никогда не узнаем. Имелось предположение, что точка, куда направлялась группа, «засвечена» противником, однако это обстоятельство не остановило командование. Да и возможно ли

вообще при такой работе полностью избежать риска. Прошло почти двое суток, но группа из трёх человек, возглавляемая ефрейтором с позывным «Савва», так и не вышла на связь.

Было принято решение считать ребят без вести пропавшими, однако нашлись добровольцы из числа сослуживцев, которые, несмотря на явную опасность, решились вновь идти на злополучную точку. Прибыв на место, сразу поняли, что наши ребята напоролись на заранее подготовленную засаду. Двое из них, расстрелянные в упор, лежали на земле, а «Савва» сидел, прислонившись спиной к дереву. В надежде, что он может быть ещё жив, рванулись к нему, но прогремел взрыв, тело Антона оказалось заминированным. О том, что русские «своих не бросают», знали и нацики, на том и расчёт свой зловещий построили. Двое из добровольцев были ранены, остальным всё-таки удалось вернуться в расположение, унося с собой и погибших и раненых. Так оборвалась жизнь нашего земляка Савельева Антона Александровича, военнослужащего бригады спецназа, родом из Новой Ляды. Ему было всего двадцать три.

Чтобы понять, каким действительно парнем был Антон Савельев, автор общался с его учителями, друзьями, сослуживцами и, конечно, с его мамой – Наталией Николаевной, с разрешения которой касался его личных вещей в сохранившейся без изменений его комнате в родном доме, просмотрел немало фотографий и видеозаписей, посетил его могилу. Показалось, что коснулся чего-то не только трагического, но одновременно светлого и вопреки всему – жизнеутверждающего. Захотелось непременно поделиться с другими, рассказать, каким он парнем был, какими несомненными достоинствами обладал, как много событий вместила его короткая, в общем-то, жизнь.

– Это был удивительно весёлый и жизнерадостный мальчик, – делится своими воспоминаниями его учительница, а

ныне директор Новолядинской средней школы Нина Александровна Громова, – обладал чувством юмора, заметными артистическими способностями. Помню, как играл блоху в школьном спектакле по поэме Маяковского «Блоха» – удивительное перевоплощение! А ещё был прирождённым лидером и организатором, причём в организуемых им делах никогда не искал лёгких путей, всегда взваливал на себя самое тяжёлое... Мы часто слышим, что «о мёртвых либо хорошо, либо никак». Нет, про нашего Антона по-другому нельзя, это вам любой подтвердит, кто хоть раз сталкивался с ним.

– Это верно, – подтверждает мать Антона, Наталия Николаевна Савельева, – на вторых ролях не мог находиться, будь то спорт, служба или повседневная жизнь. Много лет увлекался каратэ, и достиг немало, выезжал на различные турниры в Москву, другие города, – она с заметным волнением и гордостью касается завоёванных им кубков, перебирает многочисленные медали, грамоты. – Любил музыку, самостоятельно научился играть на гитаре, друзья всегда просили его спеть...

Наталия Николаевна включает любительскую видеозапись, и мы вместе смотрим и слушаем, как Антон исполняет песню Владимира Высоцкого «На большом каретном». Со знакомой хрипотцой, с надрывом, и так похоже, и так душевно. А ведь подражать Высоцкому очень сложно, это вам любой специалист скажет.

Потом была ещё одна видеозапись, где Антон поёт песню, в которой солдат обещает матери вернуться... Потрясло... Слез сдержать не удалось, да и не хотелось сдерживать...

– Так случилось, что растить Антона и его сестру Александру пришлось одной, много работать, в том числе и в Москве, чтобы только они ни в чем не нуждались. Большую роль в воспитании Антона сыграл его дедушка – Кузнецов Николай

Иванович, который был обыкновенным рабочим и одновременно писал стихи. Сам был трудоголиком, до забвения любил сельский труд, и эти качества сумел передать внуку. Учил собственными руками строить благополучие семьи, свой дом, и чтобы всё это было красиво, со вкусом, с душой. Это у него перенял Антон способность часами ковыряться в земле, в огороде, в теплице, умение держать удар, будь то на татами или в житейских невзгодах. Привязанность и любовь этих двух людей были настолько большими, что вряд ли вмещались в обычные отношения деда и внука. Потому не случайно в том последнем задании при нём был документ на вымышленное имя (так принято у разведчиков), а там, рядом с фотографией Антона, значилось «Кузнецов Николай Иванович»! А дед так и не смог пережить его гибель, тяжело заболел, не нашёл в себе силы бороться с болезнью и ушёл из жизни, не надолго пережив Антона.

– А как же? Конечно, Антон был верующим человеком. Часто рассказывал о своём общении с отцом Андреем, священником, который окормлял их в воинской части. Перед отъездом в командировку обращался за благословением и получил его от клирика Вознесенского женского монастыря протоиерея Александра Сарычева. Да и в день смерти на шее был его обычный крестик. Деревянный крестик, незатейливый, а вот чем-то был дорог сыну.

– Была у него девушка, Виктория, и любовь у них была. Хорошая была пара, оба молодые, красивые, любую минуту, свободную от его службы или её учебы, всегда вместе. И к планам дальнейшей жизни относились очень серьёзно, мечтали о свадьбе, о собственном доме. Её родители, у которых Антон часто бывал, хорошо к нему относились, спокойны были за дочь с таким человеком. Для Виктории пережить утрату любимого человека тоже оказалось очень непросто. Как горь-

ко говорить об этом, постоянно употребляя «был», «была», «были»... Как горько...

Ещё с одним человеком автору очень хотелось поговорить о нашем герое – с его близким другом и сослуживцем Анатолием П. Тем самым добровольцем, вызвавшимся вместе с другими идти на выручку группе «Саввы», тем самым, что был ранен осколками заложённого под тело друга взрывного устройства. Он один из тех, кто находится сейчас там, на многострадальном Донбассе, кто защищает нас с вами. Будем Бога молить о его возвращении домой.

P.S. Принято решение о переименовании улицы в пгт. Новая Ляда, где вырос и жил герой нашего рассказа, в улицу Антона Савельева.

На территории воинской части на ул. Бориса Васильева в Тамбове установлена мемориальная плита с именами погибших при выполнении воинского долга бойцов той разведгруппы: Антон Савельев, Иван..., Тимур...

Вечная вам память, ребята!

Рисунок худ. Ильи Пожарова.

ФАЛЕНА ЛЫСАКОВА

г. Донецк

МЫ ВСЕ ОСКОЛКИ ОТ СНАРЯДОВ

(2014-й)

Мы все осколки от снарядов,
Отброс неназванной войны;
Не раскопать в газетах правды,
Не искупить чужой вины.

Мы дети, брошенные миром
На дно бурлящего котла,
И горький хмель чумного пира
Придётся выпить нам до дна.

Привычно спать под канонаду
И вспышки смерти за окном.
– Смотрите, дырка от снаряда! –
И дальше улицей пойдём...

У нас не плачут от обстрелов,
Мы страх давно переросли;
На стенах стрелки белым мелом –
В подвалы скорые пути.

Проблемы мелочные слишком:
Работа, ссоры, Новый год...
Пока отсрочен таймер жизни,
Мы будем двигаться вперёд!

Закат полощет кровью стёкла,
Беззубо скалятся дома;
Над нами, будто меч дамоклов,
Нависла дикая война.

Воронки снегом заполняет
Декабрь – предвестник злой зимы.
Плевать, что тело замерзает,
Мы не исчезнем, будем жить!

...гремели взрывы от снарядов,
В сугробах вязли капли тьмы,
И разрывалось небо градом...
Теперь осколки – просто мы.

ВОИН

Он вытащил меч из камня
И злого убил дракона
На статном коне буланом,
В броне, что сияла хромом.

Столетия пели славу
О подвигах менестрели...
И тех, что из боя ждали,
Уж кости давно истлели.

Он был как медведь свирепым,
Храня за плечами род свой.
Возделаны были степи
И вспаханы с вражьей кровью.

Вокруг грохотали танки,
А он шёл в бою среди первых,
С мечом своим – автоматом,
Чертям улыбаясь смело.

И снова года, и время
Стирает лицо на фото.
И кости опять истлели,
Травой поросли высокой.

И снова в руках могучих
Оружие горькой правды,
И в ужасе чёрной тучей
Враги врассыпную канут.

История всех не вспомнит,
Травой возродится воин.
Свой путь завещав потомкам,
Он в памяти стал героем.

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

г. Белгород

* * *

Были русскими людьми,
Стали украми...
Дьявол души онемил,
Сделал куклами.

И орёт теперь толпа
На майдане
«Москаляку на гіляку...»
Эх, славяне,

Что вы сделали с собой,
Что вы сделали...
Вы идёте на убой
Одурелыми...

Вы стреляете в народ
Миномётами,
И куда вас бес несёт
С самолётами.

Сеять трупы по земле —
Дело правое?
Вы покроете себя
Чёрной славою.

Как фашистская орда
В сорок первом,
Вы бомбите города,
Жгёте церкви...

Убиваете детей
И девчонок,
Стариков и матерей
В злобе чёрной.

Дьявол души вам копит
Дымом смрада,
И уста он вам поит
Злобы ядом.

ЮРИЙ МЕЩЕРЯКОВ

г. Тамбов

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ГОСПОДИ...

Новелла

Жи-изнь, она такая... Долгая... Как невыносимая боль... Она длится и длится до кровавых пузырей на губах... У меня не хватит сил, чтобы рассказать о ней.

Моё тело с пробитыми и порванными внутренностями угасает, я смотрю на мир своими почти пустыми глазами, или вдруг вижу себя откуда-то сверху, и в эти секунды становится необычайно легко. Мне всё равно, что происходит рядом, что происходит со мной, я угасаю вместе с телом, я уже безразличен ко всему, скоро наступит последний закат солнца.

Тайны перестают быть тайнами, это самое страшное. Я перестал понимать, зачем они? Я выдам любые тайны, любые госсекреты, они стали свободными, как воздух, как вдох и выдох, их не держат узы чести, узы долга, узы крови... Как всё непрочное... Моя воля, моё имя медленно стираются, становятся пылью; вместе с ними теряет смысл всё, что я так долго хранил в себе. Наверное, из-за этого в уголках глаз набухают слёзы.

Я уйду, я готов, дорога меня не пугает, и следом пойдёт прахом всё, что я так оберегал, выстраивая запреты; я ещё помню: нельзя нарушить приказ, нельзя предавать друзей, нельзя встать на середине пути... Нельзя! Личность – это запреты, запреты – это огранка алмаза. Я был алмазом. Наверное, дорогим, жаль, теперь это никто не оценит.

Скоро меня не будет, устал. Моё огромное «Я», мой эгоизм нужны только на земле, а там... там нужен только дух... без гордости, без амбиций, без апломба.

Вот и всё...

Подожди, что-то я упустил...

Что-то важное...

Не могу вспомнить...

Надо вспомнить, надо обязательно...

Ко мне подошла, пробралась добрая женщина. Я знаю, добрая, обязательно добрая, потому что у неё тёплые руки, она гладит меня по голове, ладонями обнимает лицо...

И только тут, благодаря этой доброй женщине, я открыл для себя то главное, что люди пытаются отыскать всю свою жизнь. Я открыл то, что есть на земле и чего не будет на небе!

Есть Добро, и есть Зло.

Мы приходим на землю... Нет... Я пришёл на землю... Пришёл, чтобы определиться с простым вопросом, кто я такой? Я – Добро или всё-таки Зло?

Это чаша весов, это испытания, в этом малом вопросе и есть смысл жизни. Пока ты на распутье, тебя не возьмут в небо. На этой холодной каменистой земле с переломанными костями и отбитым ливером ты будешь определяться с добром и злом, пока не заорёшь: да будь ты проклят! Кому ты это будешь орать? Ты знаешь, кому. Но если в минуту невыносимой боли ты прошепчешь сухими губами: «...прости...», тебя услышат.

Ко мне пришла добрая женщина, у меня закрыты глаза, в ушах стоит серый шум, но я почувствовал. Спасибо ей. Это наш санинструктор, и от её прикосновений впервые за последние часы во мне шелохнулись тёплые чувства, я подумал о крупице жизни, захотелось пожить ещё немного. Зачем? Не знаю. После стольких страданий снова придут страдания.

Утром рубеж нашей обороны трещал по швам, на передовой, в окопах почти никого не осталось... Мой пулемёт отработал, как надо, раскалился добела и сдох, похоже, мы с ним – последние... Он машина, его заклинило, и больше нет патронов; ничего не изменить. Мы дорого заплатили за себя. Те, что лежат перед моим бруствером, – их много, целый взвод – мёртвые... Раньше были врагами. Мне безразлично, кем они были раньше. Я нажимал на спуск. Так что теперь? Я – добро или я – зло? Надо определиться, надо найти в себе сил...

На губах вздуваются кровавые пузыри. Надо определиться с добром и злом, я точно знаю. Тех, кто не определится, не возьмут, их заставят жить дальше.

Прости...

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

г. Белгород

ИЗ ФРОНТОВЫХ ЭТЮДОВ

Записки военного корреспондента

Душа наша проявляется в сострадании, в умении и готовности прощать, в милосердии и милости к падшим. В помощи ближнему, в подаянии, в жертвенности и готовности отдать жизнь за други своя.

Возвращаясь из Попасной в Луганск, намеренно пошли через Лисичку (Лисичанск). И вовсе не потому, что неизменно соблюдали железное правило: не возвращаться той же дорогой, по которой приехали. Так уж совпало: в Северодонецке хотел снять на камеру разбитую часовенку при въезде в город. Как ни торопились, а свет уходил, тускнел, и натура терялась в серых тонах, вызывая досаду.

Город оживает – кое-где появился свет в окнах, а значит, жизнь пришла, хоть пока и теплится едва-едва. Открылась музыкальная школа на пять учеников. У разбитых магазинов появились уличные торговцы с минимумом предложений. Да и спрос невелик – денег у местных пока не ахти, вот и пробавляются разве что хлебушком, молочным да фруктами. Берут немного – в горсти уместится: хранить негде, да и семьи располовинила война, а то и вовсе крохотными сделала, осиротила многих. Но старики обречёнными себя не чувствуют – словно вторая жизнь пришла, энергичные, снуют туда-сюда, в стайки сбиваются, щебечут, и лица светлые.

Раз с часовенкой беда вышла – подбитый бээмпэ убрали, а вместе с ним ушла острога кадра, то решили завернуть в ми-

крорайон: благо рукой подать. А всё из-за танка, затаившегося в арке дома, да так там и сгоревшего. Его при штурме города стреножили казаки из 6-го казачьего полка имени Матвея Платова: местные предупредили о засаде. Большинство квартир девятиэтажки с длинными языками копоти зияли пустыми глазницами разбитых окон, а некоторые через вывалившиеся стены обнажили своё нутро, прежде скрываемое жильцами от посторонних глаз. Израненный дом, охватывающий подковой квартал, напоминал что-то некогда живое и большое, теперь в бессилии свернувшееся в предсмертной агонии.

Закончив съёмки, уж шли к машине, когда окликнула женщина: не из комиссии ли мы? Оказалось, администрация обещала обследовать дом на предмет восстановления. Как она появилась в этом безлюдном дворе, я даже не заметил. Была она в жёлтой зимней куртке с капюшоном, чёрной вязаной шапке, тёплых войлочных сапогах, с розовой матерчатой сумкой в руках. Некогда ярко-жёлтый цвет будто копотью приглушило, но всё равно в этих заползающих во двор сумерках словно солнышко вынырнуло. Яркое пятно на этой сюрреалистической картине апокалипсиса.

Познакомились. Наталья Ивановна, 74 года, работала в Русском культурном центре, но его закрыли после четырнадцатого, сейчас помогает в храме и преподаёт в музыкальной школе. Говорила – что пела, красиво, мелодично, поставленным голосом, без пауз, но с выражением, а у нас – комок в горле и слёзы. Диво дивное, как же она выжила в этом аду, выдюжила, не сломалась. Какой силой наделил Господь эту женщину, когда даже мужики ломались.

Поведала историю освоения земель донбасских, немножко о жизни в Советском Союзе, как начиналась украинизация, как из русского города стали лепить галичанский хутор. В весенних боях больше всего пострадал их район. Сюда часто

приезжают киношники – целый квартал разбит и обезлюдел, вот и торопятся снимать, пока не отремонтировали. Пусть не торопятся: пока очередь дойдёт – воды немало утечёт.

Люди ушли с началом боёв. Осталось десятка три, да и тех быстро уполовинили: одиннадцать мужчин похоронили здесь же во дворе. Они во время обстрелов со двора уходили последними – двери в подвал узкие, вот женщин вперёд и пропускали, собою прикрывали, а их осколки косили. Когда город освободили, то во всем доме осталось семеро жильцов, а в своём подъезде она одна-одинёшенька, не считая кошек. Зато сейчас в доме живут аж 55 человек.

В одном крыле дома квартировали вэсэушники, в другом – нацбат. Между собою не ладили, от случая к случаю открывали стрельбу друг в друга, а попадало мирным. Нацки развлекались: миномёт в машину, и ну по кварталу гонять да постреливать по квартирам и этажам.

Сумерки заползли во двор, стусились в подъездах, и надо бы торопиться: ночью на дороге легко можно и с ДРГ повстречаться. Тайком от ребят сунул ей пятитысячную купюру, но Наталья Ивановна, зажав её в кулачке, со слезами на глазах стала отказываться, извиняться за то, что приняли её за нищенку. Нет, у неё всё есть, она раз в неделю получает гуманитарку, которой хватает и для себя, и для прибившихся к её очагу кошек. Что воду привозят раз в неделю и что недавно получила пенсию – авось и до конца месяца хватит. Тимофеевич курил одну за другой сигареты и отворачивался, пряча блестящие глаза, а руки подрагивали. Витя как-то стеснительно, словно боясь обидеть, тоже совал ей в руки деньги, а она со слезами просила простить её и благодарила.

На следующий день купили фрукты и специально заехали к ней по пути в Попасную. Жила она на седьмом этаже, лифт, конечно же, не работал, на лестничных пролётах шалил

ветер. На лестничной площадке пятого этажа – самодельная печурка с трубой в окно. Лестница выметена, даром что не вымыта, да и то потому, что воды нет.

Нас она увидела, как только во двор въехал наш пикап. Узнала, обрадовалась, последовали привычные извинения за невольное привлечение к себе внимания. Квартира в три комнаты, да только для жизни одна приспособлена: окно фанерой забито кое-как да одеялом утеплено, но дует вовсю. На стенах, на подоконнике, на пианино – буквально всюду иконы, иконы, иконы... И от самой Натальи Ивановны исходила какая-то благодать и даже святость.

Два обогревателя включает только на ночь, хотя платить за электричество будут только с февраля. Газа нет, вода привозная – три раза в неделю привозят. Набирает 5-литровки и тащит на свой этаж, да и то если успеет – днём-то работает.

Расположились в комнате, она говорила, мы слушали. У ног клубком шерсти – старый лохматый кот. Не мурлыкает, как котам подобает, а смотрит настороженно и с прищуром, словно целится. Подобрыш Натальи Ивановны – тоже ведь тварь Божья, как не пожалеть, не приютить. Вот и коротают ночи вместе – всё не так скучно.

Ни жалоб, ни даже сетований на нужды от неё так и не услышали. Всё больше о том, что наконец-то снова в России. Что может говорить на родном русском языке, веру предков исповедовать, безбоязненно в храм ходить. Что война ушла, и как только переживут зиму – обязательно переживут, иначе нельзя, – всё изменится к лучшему. Что беспокоится о двоюродном брате – остался в Артёмовске. Она так и сказала: Артёмовск, а не Бахмут. Из родных у неё только он и остался – муж и сын ушли в мир иной.

Уже замечено: мужики слабее. Мужики ломаются, начинают горе своё заливать, как будто у других его нет, опускают-

ся, порой на ствол ложатся, а женщины... Женщины гнутся, да не ломаются. В дом вернулось трое мужчин – в разных подъездах живут. Пьют. С утра до ночи. Что пьют и на что – одному Господу известно. Наталья Ивановна пожалела, помогла устроиться в храм дровишки колоть, по кухне помогать да прибираться, только двое сразу ушли, а третий дня через три. И дармовая похлёбка не удержала. А Наталья Ивановна жалеет их и молится за души их неприкаянные.

Она проводила нас до подъезда, перекрестила вдогонку, а мы думали, что не имеем права не победить этот сатанизм, который вновь терзает землю Русскую. Мы не имеем права быть слабыми, распускать нюни, стонать, что того нет или иного не хватает. Что то холодно, то жарко, то ботинки жмут, то мины шарахают. Стиснуть зубы, затянуть поясок (кое-кому и выше талии не мешало бы) и идти только вперёд. Чтобы нам не доживать свой век в разрушенных домах и в одиночестве. Чтобы мы не пережили своих детей. Нам обратного пути нет.

Осталась у нас в Северодонецке родная душа – маленькая женщина, несломленная, нестигаемая, центр силы и веры, центр притяжения. Мы вернёмся, Наталья Ивановна, мы обязательно вернёмся и будем возвращаться каждый раз, оказываясь на этой растерзанной, но благодаря вам оживающей земле.

ЖАННА БОНДАРЕНКО

г. Грайворон

СОЛДАТ

Вот шагал он, живой и тёплый,
Было всё ему просто и ясно.
Вдруг рубашка от крови промокла,
И улыбка его погасла.

Он ещё не успел жениться,
Хоть ночами девчонка снилась.
А теперь ничему не сбыться...
Почему-то всё так сложилось...

И звезда полетела в полночь,
Как светящийся след ракеты.
А потом подоспела помощь,
И победа пришла с рассветом...

Погрузили его в машину,
Прослезились: «Ну, что ж ты, Сашка»...
Ветер дул ранним холодом в спины,
Стыла кровь на солдатской рубашке.

* * *

Спаси, Господи, люди твоя!
Чёрный дым над привольем жнивья.
И в душе от потерь – чёрный дым.
Но молитву упрямо творим...

Спаси, Господи, дай веры меч!
Лишь бы в землю до срока не лечь...
Лишь бы жизнь вешним садом цвела,
И чтоб мать больше слёз не лила.

Спаси, Господи, силы умножь!
В мире празднуют злоба и ложь.
Но сердца наши светом полны –
Мы раздать его ближним должны.

Спаси, Господи, выжить позволь!
Пусть утихнет гнетущая боль...
Завтра снова отправимся в бой.
Но мы выдержим всё... Мы с Тобой!

* * *

Когда-нибудь наступит тишина,
Та самая – дарованная небом...
И хватит всем всего – любви и хлеба.
И сеявшим воздаст Господь сполна.
Ну, а пока мы слёзы с глаз утрём
И нервам запретим рассудком править.
Мы будем только жизнь ценить и славить,
И солнце, что с утра приходит в дом!

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления о главном.	
<i>Предисловие</i>	3
Юрий Беридзе , <i>Москва</i> .	
Боль. <i>Стихи</i>	5
Юрий Пчелинцев , <i>Тамбов</i> .	
Ну, здравствуй, враг. <i>Стихи</i>	8
Олег Сикарев , <i>Ровеньки</i> .	
24 февраля в п. Ровеньки. <i>Очерк</i>	14
Елена Заславская , <i>Луганск</i> .	
Записки Ветерана апокалипсиса. <i>Стихи</i>	29
Михаил Волчихин , <i>Жердевка</i> .	
Похоладание. <i>Стихи</i>	36
Анаит Агабекян , <i>Донецк</i> .	
<i>Стихи</i>	42
Анатолий Куликов , <i>С.-Петербург</i> .	
На изломе. <i>Рассказ</i>	45
Оксана Егорцева , <i>Горловка</i> .	
<i>Стихи</i>	49
Елена Забайкальская , <i>Макеевка</i> .	
<i>Стихи</i>	50
Алеся Казмерчук , <i>Луганск</i> .	
<i>Стихи</i>	51
Константин Коваль , <i>Дзержинск</i> .	
<i>Стихи</i>	52
Сергей Кривонос , <i>Сватово</i> .	
<i>Стихи</i>	54

Александр Кучерявый , <i>Донецк.</i> <i>Стихи</i>	56
Иван Нечипорук , <i>Горловка.</i> Сердце России. <i>Стихи</i>	58
Александр Рак , <i>Макеевка.</i> <i>Стихи</i>	62
Сергей Бережной , <i>Белгород.</i> И пошёл брат на брата. <i>Эссе</i>	64
Сергей Соколов , <i>Бобров.</i> Обидно, когда гибнут пацаны. <i>Стихи</i>	77
Евстахий Начас , <i>Тамбов.</i> <i>Стихи</i>	80
Вера Кобзарь , <i>Белгород.</i> <i>Стихи</i>	81
Юрий Ковальчук , <i>Новая Каховка.</i> Знает только ковыль. <i>Новелла</i>	83
Александр Сигида , <i>Молодогвардейск.</i> Вместо репортажа. <i>Стихи</i>	89
Наталья Романова , <i>Луганск.</i> <i>Стихи</i>	94
Владислав Русанов , <i>Донецк.</i> <i>Стихи</i>	96
Александр Савенков , <i>Горловка.</i> <i>Стихи</i>	99
Юрий Хоба , <i>Докучаевск.</i> Перекаати-поле. <i>Рассказ</i>	104
Евгений Харитонов , <i>Белгород.</i> До войны километров сорок. <i>Стихи</i>	124

Юрий Савченко , <i>Таволжанка</i> . Донбасс. <i>Стихи</i>	129
Николай Лутюк , <i>Белгород</i> . Никита. <i>Рассказ</i>	135
Василий Толстоус , <i>Макеевка</i> . <i>Стихи</i>	145
Елизавета Хапланова , <i>Макеевка</i> . Будем жить. <i>Стихи</i>	148
Анна Шемахова , <i>Горловка</i> . <i>Стихи</i>	152
Андрей Новиков , <i>Липецк</i> . Когда бессилён терапевт, зовут хирурга. <i>Очерк</i>	153
Виталий Волобуев , <i>Белгород</i> . <i>Стихи</i>	159
Николай Шмырёв , <i>Тамбов</i> . <i>Стихи</i>	160
Сергей Кочуков , <i>Тамбов</i> . О героях специальной военной операции. <i>Очерки</i>	161
Фалена Лысакова , <i>Донецк</i> . <i>Стихи</i>	174
Николай Грищенко , <i>Белгород</i> . <i>Стихи</i>	177
Юрий Мещеряков , <i>Тамбов</i> . Услышь меня, Господи! <i>Новелла</i>	179
Сергей Бережной , <i>Белгород</i> . Из фронтовых этюдов. <i>Заметки</i>	182
Жанна Бондаренко , <i>Грайворон</i> . Когда-нибудь наступит тишина. <i>Стихи</i>	187

РУССКИЙ МИР

СЛАВА И БОЛЬ ДОНБАССА

Редактор-составитель — Мещеряков Ю. А.
Компьютерная вёрстка — Рязанова К. В.
Дизайн обложки — Борцова С.
Корректор — Михайлова А. А.

Подписано в печать 23.01.2023 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл.п.л. 11,16.
Заказ 112. Тираж 360 экз.

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом «Тамбов».
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.
Тел.+7 (4752) 53-37-11.
E-mail: oaottps@yandex.ru

ISBN 978-5-907517-22-6

9 785907 517226